SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Эти биографические очерки были изданы около ста лет назад в серии «Жизнь замечательных людей», осуществленной Ф.Ф.Павленковым (1839-1900). Написанные в новом для того времени жанре поэтической хроники и историко-культурного исследования, эти тексты сохраняют ценность и по сей день. Писавшиеся «для простых людей», для российской провинции, сегодня они могут быть рекомендованы отнюдь не только библиофилам, но самой широкой читательской аудитории: и тем, кто совсем не искушен в истории и психологии великих людей, и тем, для кого эти предметы – профессия.

- Е. Орлов
  -
  - Глава I
  - Глава II
  - Глава III
  - Источники
- notes
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5
  - 6

Е. Орлов
Юлий Цезарь
Его жизнь и военная деятельность
Биографический очерк
С портретом Юлия Цезаря, гравированным в Петербурге К. Адтом

Глава I

Место Цезаря в римской истории. – Происхождение и семья. – Образование. – Демократические симпатии и столкновение с Суллою. – Нравственные и умственные качества. – Пребывание на Востоке. – Выступление в судебных процессах. – Поездка в Родос и плен у пиратов. – Участие в Митридатской войне. – Дружба с Помпеем. – Панегирик Марию. – Квестура в Испании. – Заведование Аппиевой дорогой. – Предложение Габиния и Манилия. – Эдильство. – Реабилитация Мария. – Аграрный проект Рулла. – Процесс Рабирия. – Понтификат Цезаря. – Роль в деле Катилины. – Претура. – Нападение на Катулла. – Предложение Метелла. – Стычка с сенатом. – Процесс Клодия. – Пропреторство в Испании. – Консульство и триумвират. – Публикование сенатских бюллетеней. – Аграрный закон. – Союз с всадниками. – Назначение проконсулом Галлий. – Неудачные нападения на Цезаря и отношение его к Цицерону

История древнего мира не знает переворота более глубокого и всезахватывающего, нежели тот, который пережила Италия за последние два с половиною века до Р. Х., со времени 2-й Пунической войны. Под двойным давлением бесчисленных войн, подолгу отрывавших крестьянина от сохи, и вновь введенного орудия производства – раба, требовавшего, в силу своей непроизводительности, крупной системы хозяйства, мелкая собственность стала разлагаться и исчезать, уступая место широкому плантационному землевладению, неслыханному по своим размерам вплоть до наших дней. Итало-римское население, дотоле однородное, расслоилось в силу этого на два класса: неимущих пролетариев и богатых латифундистов, и прежние государственно-правовые понятия и отношения подверглись коренному изменению. В то время, как для одних, ничтожной горсти в две-три тысячи человек, государство фактически превратилось в их частную собственность, для других, составлявших подавляющее большинство, оно потеряло свой прежний реальный смысл и значение: лишившись своего надела, они тем самым лишились и того своего пая в национальном имуществе, именуемом республикою (respublica так буквально и означает: общее имущество), которым определялись их гражданские права как в объекте, так и в содержании. Что, в самом деле, в том, что он, пролетарий, имеет возможность участвовать в государственном правлении – в выборе и контроле должностных лиц, в утверждении бюджета, в проведении законов,

в объявлении и заключении войны и т. д., – когда все, что он ни сделает, пойдет на чужое дело, до него ни одной стороной не касающееся? Ведь для того, чтобы править, нужно иметь, над чем править, а этого как раз у него нет, так как все отошло к другим, сделалось их собственностью. Слова “civis romanus”[1], которыми он некогда так гордился, стали для него пустым, ничего не значащим звуком, и поскольку это касается его, республиканский строй, придя в противоречие со своими основными принципами равенства интересов и прав, мог бы вовсе перестать существовать. Вопрос лишь в том, каким образом он перестанет существовать, и на это борьба предыдущих поколений дала свой ответ. С того момента, как разорившийся крестьянин, забросив землю, стал стекаться в столицу, наполняя воздух жалобами и стонами, начали раздаваться голоса о грядущей гибели италийского населения и о необходимости предотвратить катастрофу восстановлением мелкой собственности путем передела общественных земель и ограничения хищнических богатых сословий. На сцену явились братья Гракхи и другие, требовавшие экономических реформ в этом смысле; но их попытки оканчивались ничем, разбиваясь об оппозицию правящих классов. Началась упорная борьба, стоившая многим благородным личностям их свободы и жизни, пока демократическая партия, выдвигавшая их, не убедилась, что всякие попытки на реформы при существующем политическом порядке заранее осуждены на неудачу: государственная машина находилась в руках латифундистов, а те отлично знали, как ею управлять в своих интересах. Необходимо было эту машину переделать или вырвать, и вот на знамени демократов появляется новый лозунг: диктатура. Борьба сразу переходит с чисто экономической на политическую почву, и все надежды и стремления реформаторов сосредоточиваются на захвате власти и учреждении единоличного правления в интересах пролетариата. Опять целый ряд лиц, как Марий, Серторий и Катилина, погибает в своем бессилии надломить сложившуюся веками государственную организацию, пока выпавшее из их рук знамя не было поднято Цезарем и водружено над обломками разбитой республики.

Гай Юлий Цезарь родился 12 июля 100, а по Моммзену 102 года до Р. Х., и принадлежал к знаменитому римскому роду Юлиев, потомков Юла или Аскания, основателя Альба Лонги. Как заверяет и Вергилий, Юл был сын Энея, а потому внук Анхиза и Венеры; Цезарь, следовательно, имел право возводить свою генеалогию к самим богам, что в торжественные случаи он не раз и делал: в своей надгробной речи над теткой Юлией он с гордостью указывает на ее происхождение; в битвах при Фарсале

и Мунде он делает лозунгом словосочетание “Венера-родительница”, а на монетах Илиона, легендарного обиталища его предков, он приказывает чеканить рядом портреты свои и Энея. Подобно большинству других римских родов, Юлии состояли из двух ветвей, патрицианской и плебейской, и Цезарь принадлежал к первой из них, получившей около III века до Р. Х. прозвище Цезарь. Что означало последнее, в точности неизвестно: одни полагают, что оно взято от слова “caeserius”, косматый, каким мог уродиться один из родоначальников, а другие – от “caesus”, сечение, посредством которого один из Юлиев был будто бы извлечен из утробы матери. Первое предположение, вероятно, ближе к истине, хотя и поныне в акушерской хирургии существует операция, именуемая кесаревым сечением. Отец нашего героя, носивший то же имя, был одно время претором, а мать Аврелия сама принадлежала к именитой фамилии Котт, насчитывавшей много курульных магистратов и ученых юристов. О личностях их нам, к сожалению, мало известно: отец умер внезапно, когда сыну было около шестнадцати лет, а мать, хотя и прожила гораздо дольше, появляется на сцену всего дважды: когда Цезарь отправлялся на выборы в верховные жрецы и когда в его доме был найден Клодий. Мы знаем лишь, что сын до конца своих дней сохранил о ней самую светлую память как о женщине умной, нежной и заботливой, все свои силы посвятившей его воспитанию. В чем это последнее состояло, мы опять-таки не знаем: отданный на руки ученому галлу, но натурализованному римлянину, Марку Антонию Гнифону, Цезарь мог обучиться у него лишь языкам и литературе, отечественной и греческой, и приобрести хорошие манеры; но изучал ли он что-нибудь действительно серьезное, – математику, историю, право, философию, – нам осталось неизвестным. Несомненно, однако, что, в отличие от многих других его круга, Цезарь получил чисто римское образование без примеси иностранных элементов: родившись римлянином, он всю жизнь оставался таким, несмотря на господствовавшие тогда эллинские моды и веяния.

В 87 году до н. э., когда ему было всего 13 лет, он был избран в жрецы Юпитера – flamen dialis. Это был один из главных постов в тогдашней духовной иерархии, и странный факт занятия его мальчиком объясняется тем, что Марий, располагавший тогда судьбами Рима, был женат на сестре отца Цезаря, Юлии. Это был редкий случай царившего в то время непотизма, напоминающий во многом подобные же факты из истории средних веков, когда папская тиара доставалась отрокам. Естественно, что уже с той поры Цезарь делается приверженцем Мария и начинает обнаруживать демократические симпатии; он продолжает питать

их даже по смерти своего патрона и в 83 году до н. э. расходится с невестою из богатой всаднической семьи с тем, чтобы жениться на Корнелии, дочери демократического вождя Цинны. Когда же вскоре затем вернулся с дальнего Востока Сулла и повел ультрааристократическую реакцию, Цезарь, один из немногих, продолжал свою деятельность и знакомства, не скрывая своих убеждений и смеясь над проскрипциями[2]. По приказу всесильного диктатора, М. Пизон принужден был развестись с Аннией, вдовою Цинны, а Помпей – с Антистией; но когда подобное же требование было предъявлено Цезарю, он наотрез отказался, говоря, что Сулле нет дела до его частной жизни. За это он был лишен жреческого сана, приданого жены и, наконец, собственного имущества, и сам, переодетый крестьянином, принужден был бежать в Сабинские горы. Говорят, что агенты Суллы узнали его, но он спасся, умилостивив вожака партии взяткою в два таланта (талант – около 2400 руб.). Только после долгих и настойчивых молений друзей и всей коллегии весталок диктатор смягчился и простил его, но, добавил он: “смотрите только, как бы в один прекрасный день ваш протеже не оказался палачом аристократии: в нем сидит не один Марий”.

Предсказание Суллы, как известно, сбылось до буквы; пока же Цезарь уже мог похвалиться своей первой победою над врагами. Слабый в телосложении и изнеженный, деливший свое время между заботами о туалете и галантными приключениями, этот “юноша с небрежно подвязанным поясом” обнаружил решимость и отвагу, изумившую всех, знавших его. “Во всех его проектах и поступках, – говорил о нем впоследствии Цицерон, – я замечаю страшное честолюбие и властолюбие; но когда я вижу, с какою тщательностью он прилаживает свои волосы, чтобы скрыть лысину, и как изящно он почесывает себе голову мизинцем, мне, право, не верится, чтоб он замышлял какие-либо планы об уничтожении римского государства”. И таким Цезарь оставался всю свою жизнь. Беспечный кутила, не знавший различия между своими деньгами и чужими, неотразимый сердцеед, прославший на весь мир мужем всех жен, инициатор скандалов и проделок, заставлявших говорить о себе весь город, он под оболочкою типичного представителя “золотой” молодежи таил энергию, силу, смелость и, вместе с тем, выдержку, несравненные в эту эпоху духовного обнищания и умственной тупости. С великодушным, почти женским по своей теплоте и гуманности сердцем он соединял ясный и расчетливый ум, не превзойденный в нормальности и уравновешенности ничьим другим в истории. Никто лучше него не понимал событий и людей, никто зорче не различал будущего и точнее не взвешивал обстоятельств и

шансов и никто так неуклонно не умел стремиться к раз намеченной цели, скрывая свои карты до последнего решительного момента. Шаг за шагом, то поддаваясь, то наступая, умел он с железною настойчивостью подготовлять почву для окончательного удара, и тогда с молниеносною быстротою он бросался на ничего не чающих врагов, ошеломляя их своей дерзостью и силою. Все эти качества, качества кошки без ее черствости и кровожадности, он, разумеется, развернул в более позднюю пору своей жизни; но некоторые из них проглядывают достаточно ясно и в столкновении с Суллою.

Жизнь в Риме, управляемом тяжелою рукою диктатора, была не из приятных, и Цезарь в 81 году до н. э. решил поехать в Азию для ознакомления с военным делом. Он поступил адъютантом к тамошнему правителю М. Минуцию Терму, занятому покорением малоазийских островов. Посланный им в Вифинию, к царю Никодему III, за флотом, он исправно выполнил поручение и, вернувшись, успел принять участие во взятии Митилены на острове Лесбос, причем спас жизнь солдата и был за то награжден цивическим венком. Цезарь оставался при Терме всего полтора года, после чего он перешел к П. Сульпицию, проконсулу Киликии; но здесь он вскоре узнает, что Сулла умер, и немедленно возвращается на родину.

Обстоятельства в Риме были, по-видимому, благоприятны для демократического дела: его злейший враг сошел со сцены, а один из консулов, Лепид, был в открытом восстании против сената. Тем не менее Цезарь не принял участия в движении: осмотревшись, он увидел незначительность его шансов на успех и не хотел, связавшись с ним, скомпрометировать свою карьеру и отрезать себе путь к дальнейшей деятельности. Действительно, вскоре за тем Лепид со своим войском потерпел поражение, и все участники предприятия были наказаны смертью или изгнанием. Цезарь предпочел обычный метод оппозиции, которым пользовались все вожаки демократии до него. Для молодого человека, желавшего обратить на себя внимание народа, не было средства лучше, нежели выступление защитником какого-либо популярного законопроекта или изобличителем злоупотреблений какого-либо члена правящей олигархии. Так поступил, например, Цицерон, так сделал и Цезарь. В 77 и 76 годах до н. э. он притянул к ответственности двух аристократов: Кн. Долабеллу и К. Антония, обвиняя их в грабеже и вымогательствах в вверенных им провинциях Македонии и Греции; он проиграл – судьи сами принадлежали к сенатской аристократии; но он приобрел значительную известность в народных кругах и завоевал симпатии многих демократов. По-видимому, он приписывал свою

неудачу недостатку ораторского образования, потому что в том же 76 году он отправляется на остров Родос, где подвизался в качестве учителя риторики знаменитый Аполлоний Молон, наставник Цицерона. Путь его лежал мимо западных берегов Малой Азии, где были расположены главные квартиры пиратов, державших в руках все Средиземное море. Эти пираты составляли обширную организацию, в которой состояли пайщиками многие знатные римляне: они раскидывали свои операции по всем островам архипелага и другим, грабя берега даже Италии, разоряя население и уводя в плен именитых граждан с целью достать выкуп. Цезарь попал им в руки недалеко от Милета, у острова Фармакузы, и был вынужден прожить с ними 38 дней, пока друзья его собирали в соседних городах требуемые 50 талантов. Говорят, что разбойники потребовали с него первоначально лишь 20, но он рассмеялся им в лицо, говоря, что они не знают, какая птица им попалась, и обещал дать им 50. Вообще он вел себя в их обществе так, как только мог вести себя Цезарь: непринужденно принимал участие в их забавах, как бы снисходя читал им свои стихи, а когда они не рукоплескали, обзывал их невежественным дурачьем, обещаясь когда-нибудь переловить их и распять. Конечно, его слова принимались за шутку, но Цезарь думал, что говорил: освободившись, он раздобыл несколько кораблей, напал на пиратов, забрал в плен и, отвезши в Пергам, предал их обещанной казни. Тамошний проконсул вздумал было сердиться за такое самоуправство: он предлагал продать пленников в рабство; но Цезарь не обращал внимания и продолжал уже свой путь.

Он пробыл у Молона недолго: вспыхнувшая в Азии Митридатская война привлекла его к театру действий, и, насобрав на свои частные средства небольшую армию, повел кампанию на личный страх. Говорят, что он успел даже разбить наголову одного из неприятельских генералов, когда, узнав о назначении своем жрецом на место умершего дяди, К. Аврелия Котты, он решил, не докончив дела, снова вернуться домой. Отныне начинается его регулярная политическая деятельность, приведшая к вершине власти.

Главным человеком в Риме был тогда Помпей. Недавно еще любимец Суллы и верный слуга олигархии, он теперь, встречая некоторую холодность со стороны родовой знати, стал заигрывать с демократией, все еще обессиленной ударами покойного диктатора. В 70 году до н. э. он был избран консулом и, предприняв ряд реформ с целью ослабить правящую аристократию, встретил деятельного союзника в лице Цезаря. С его помощью ему удалось восстановить отмененные Суллою

законодательные прерогативы трибунов, провести амнистию приверженцам злополучного Лепида и вырвать суды из-под исключительного ведения сената, распределив личный состав их между сенатом, в числе одной трети, и всадниками, в числе остальных двух третей. Содействие Цезаря в проведении этих мер было весьма ценно, и молодой честолюбец одним ударом приобрел влиятельного друга и широкую популярность. Плоды не замедлили сказаться уже в следующем году, когда он значительным большинством был выбран в квесторы – провинциальные интенданты – на первую ступень в служебной иерархической лестнице республики. Ему досталась в ведомство Дальняя Испания, нынешняя Португалия и Андалусия; но отъезд пришлось отложить по случаю смерти жены Корнелии и тетки Юлии. Над последнею, по обычаю, он произнес надгробную речь, в которой восхвалял доблести как ее, так и ее мужа, великого ария, друга и поборника демократов. Собравшийся народ восторженно рукоплескал, внимая лившимся из уст Цезаря дифирамбам, но энтузиазм еще более усилился, когда, по приказу благочестивого племянника, изображения Мария были пронесены в торжественной процессии – впервые с тех пор, как его статуи были сброшены рукою Суллы и сам он объявлен врагом отечества. Цезарь сделался героем дня, и он мог теперь спокойно уехать в свою провинцию, уверенный, что народ не так скоро забудет его подвиг.

Он пробыл в Испании с год, после чего, вернувшись, был назначен надсмотрщиком Аппиевой дороги – этой грандиозной артерии, прорезывавшей полуостров от Рима до Бриндизи. Зная, как ценит ее народ, он не скупился на ее улучшение и украшение, расходуя на это не только отпускаемые ему из казны деньги, но еще большие суммы из своего собственного кармана. Благодаря этому, конечно, он влез в страшные долги, но он знал, что рано или поздно все окупится, да еще с лихвою. Тогда же он породнился со своим новым другом Помпеем, женившись на Помпее, дочери Кв. Помпея Руфа и внучке Суллы. Политическая атмосфера в Риме была в то время насыщена электричеством: ряд скандальных процессов разоблачил хищнические разбои сенатских наместников в провинциях, а победы Митридата в Азии и беспрепятственное владычество пиратов в Средиземном море обнаружили полнейшую неспособность олигархии справляться с врагами внешними и внутренними. Банкротство ее было очевидно для всякого, даже для нее самой, и демократы решили воспользоваться этим моментом, чтоб учредить диктатуру и вручить ее одному из своих сторонников. Помпей, только что вернувшийся после блестящих побед в Испании, казался наиболее

подходящим кандидатом на этот пост, и народный трибун Габиний вышел к народу с предложением облечь его неограниченными средствами и властью над всем бассейном Средиземного моря с тем, чтоб, уничтожив разбойничьи гнезда, он поехал на Восток на смену Лукуллу. Ярость и оппозиция аристократии были беспредельны, но Габиний победил, имея на своей стороне блестящую риторику Цицерона и неутомимое красноречие и дипломатические способности Цезаря.

Помпей получил свою диктатуру на три года, но миссия была выполнена в три месяца: пиратские суда были перехвачены, гнезда разорены, сокровища забраны, и Рим, после страшной дороговизны, стал опять беспрепятственно получать свой хлеб из Сицилии и Иллирии. Урок, который сенат получил, был наглядный; но его оппозиция ничуть не уменьшилась, когда в следующем, 66 году до н. э. на очередь поступил вопрос о назначении Помпея вторично диктатором – на этот раз для войны с Митридатом. Предложение вошло в комиссию по инициативе трибуна Манилия, и олигархия употребляла все средства, чтоб его провалить; но Цезарь и Цицерон опять взялись за дело, и вопрос прошел при рукоплесканиях народа.

Положение нашего героя было теперь прочно, и в 65 году до н. э. он был избран курульным эдилом. Должность эта, открывавшая перед исполняющим ее двери сената, некогда заведовала полицейско-санитарным положением города; но теперь она превратилась в нечто вроде почетной повинности по украшению города новыми общественными зданиями и по устройству публичных празднеств, угощений и игр. Она требовала бешеных средств, а у Цезаря как раз ничего, кроме долгов, не было: по уверению Плутарха, они доходили до чудовищной суммы в 1300 талантов, и местные ростовщики решительно отказывались одолжать больше. На счастье, аристократы дали Цезарю в товарищи по должности некоего М. Бибула, человека очень богатого, хотя и скупенького: его-то капиталами стал теперь распоряжаться Цезарь, выстраивая от своего имени новые портики и базилики и украшая форум и Капитолий статуями и картинами. Конечно, Бибулу такое бесцеремонное со стороны Цезаря присвоение себе одному чести, принадлежащей по справедливости им обоим, не особенно нравилось; он нередко жаловался на свою горькую участь, сравнивая ее с участью Поллукса, имевшего в Риме храм, посвященный совместно ему и Кастору, но обыкновенно называемый именем последнего; но он ничего не мог делать, опасаясь быть обвиненным в скаредности и зависти к своему коллеге. А коллега отлично пользовался обстоятельствами,

привлекая к себе народные сердца играми, на которых выставлял 320 пар гладиаторов в серебряных латах, и представлениями цирка, ради которых выписывались неведомые звери из дальних стран. Сюрпризам, которые он устраивал публике, не было конца, и однажды утром город проснулся, чтоб увидеть на Капитолии блещущие мрамором и свежей позолотой статуи Мария и картины его главнейших побед над Кимврами и Югуртою. Сенсация была всеобщая: весь народ повалил смотреть давно уже не виданные изображения своего идола и его славы, запрещенные со времени Суллы и выставленные теперь публично на главном месте города. Никто не знал имени смельчака, дерзнувшего нарушить закон; но всяк о нем догадался и всяк хвалил Цезаря. Марианские ветераны со слезами на суровых щеках и огнем в потухших взорах толпились вокруг Капитолия, глядя на дорогое лицо и крича, что Цезарь – единственный родственник, достойный великого человека. Сенат был разъярен: он собрался на экстренное заседание, и старик Лутаций Катулл произнес обвинительную речь против демагога, говоря, что он не только тайно подкапывается под республику, но даже открыто разрушает ее таранами. Однако из этих нападков ничего не вышло: Цезарь ловко защитился, и “собрание царей” не посмело его тронуть. Оно, однако, отомстило тем, что провалило его предложение народу назначить его эмиссаром в Египет для упорядочения тамошних дел.

В следующем году, в качестве бывшего эдила, Цезарь помогал городскому претору в отправлении судебных обязанностей и председательствовал в уголовно-следственном департаменте. Он энергично преследовал исполнителей Сулловых проскрипций и осудил на смерть двух главных из них. Но особенно богат был событиями 63 год до н. э., когда в защиту аристократической олигархии поднялся вновь избранный консулом Цицерон, еще за год до этого ратовавший за демократию. Свежеиспеченный “охранитель незыблемых основ общества” занялся искоренением крамолы, и между ним и его недавними союзниками вспыхнула борьба, в которую не замедлил ввязаться и Цезарь. Первая схватка произошла по поводу аграрного законопроекта трибуна П. Сервилия Рулла, предложившего назначить комиссию из десяти человек с неограниченными полномочиями по закупке и разделу земель в Кампании и выселению колонии туда и в другие местности. Цезарь деятельно поддерживал это предложение, но против него выступил Цицерон и после нескольких речей заставил Рулла взять свой проект обратно. Тогда Цезарь перенес борьбу на другую почву. Тридцать шесть лет тому назад народный трибун Сатурнин, сподвижник Мария, потерпел

поражение на улицах Рима и был принужден с товарищами спасаться бегством. Они укрылись в Капитолий, но так как водопроводные трубы были перерезаны, то они скоро сдались. Их отвели в здание сената на временное заключение и здесь заперли в ожидании разбора дела. Но “золотая” молодежь не осталась довольна формалистикой почтенных отцов: вскарабкавшись на здание, она изломала крышу и черепицами убила заключенных. Среди нее особенно усердствовал некий К. Рабирий, парадировавший на улицах с головою Сатурнина; теперь, в 63 году до н. э., он превратился в серьезного сенатора, погрязшего в сословные предрассудки и упрямо боровшегося против реформ. Его-то Цезарь вздумал наказать не столько за преступление, сколько ради острастки его соумышленникам. И вот, по его просьбе, трибун Т. Лабиен, впоследствии его правая рука, а затем враг, откопал это старое дело и привлек Рабирия к ответственности на основании устарелого закона о государственной измене. Вопрос разбирался перед двумя судьями, назначенными претором и как на грех оказавшимися Цезарем и родственником его, – и Рабирий был, всеконечно, осужден. Но так как каждый римский гражданин, обвиненный в уголовном преступлении, имел право апеллировать к народу, то дело Рабирия поступило в комиции, где приговор мог быть либо утвержден, либо кассирован. Олигархия выслала защитником подсудимого своего покорного слугу Цицерона, но она, вероятно, проиграла бы, если бы претор, по совету, по-видимому, самого Цезаря, нисколько не желавшего смерти старого сенатора, не расстроил собрания, сняв с Яникула военный флаг: в те отдаленные времена, когда римская община, заключенная в тесные пределы между этим холмом и Ватиканским, легко могла подвергнуться неожиданному нападению этрусков, исчезновение белого военного флага с Яникульского сторожевого поста означало опасность, и граждане должны были бросить все дела, чтоб взяться за оружие. Теперь этот обычай, конечно, вышел из употребления, но выходка претора показалась остроумною, и толпа с миром разбрелась по домам, смеясь над тем, как ее одурачили.

Около этого времени умер верховный жрец, Кв. Метелл Пий, и кандидатом на вакансию выступил известный нам Кв. Лутаций Катулл и Кв. Сервилий Исаврийский – оба бывшие консулы и ярые приверженцы сенатского режима. Сан этот, помимо чисто религиозного, имел еще большое политическое значение: стоя во главе духовной иерархии и имея под собою коллегии весталок и фламинов, верховный жрец был истолкователем канонического права, публичного и частного, главным авторитетом по части

предсказаний и авгур, и неограниченным властелином календаря, определявшего время выборов, праздников и т. д. Стоило только народу собраться для рассмотрения “демагогического” проекта, как жрец торжественно объявлял, что авгуры неблагоприятны и собрание потому состояться не может; нужно было оттянуть опасный по своим разоблачениям и последствиям процесс до другого года, когда и консулы, и преторы, заправлявшие судом, были на стороне сената, – и жрец узаконивал длинные праздники в честь какого-либо бога и затем объявлял год закончившимся. Словом, это было могучее боевое орудие в руках господствующего класса, и демократы давно уже силились захватить его. К несчастью, по одному из Сулловых законов места в жреческой коллегии пополнялись самими членами ее, и состав ее, таким образом, мог быть всегда огражден от вторжения нежелательных элементов. В виду этого трибун Лабиен, за несколько недель до выборов, внес в комиции предложение отнять ту привилегию у жрецов и передать ее народу самому, и после бешеной оппозиции аристократии предложение прошло и стало законом. Тогда демократы решили выставить своего кандидата, и выбор пал на Цезаря. Молодой щеголь, не исполнявший ни одной высшей государственной должности, а взамен того прогремевший по всему Риму своими любовными авантюрами, нужно сознаться, мало подходил к священному сану представителя богов на земле; но так как дело касалось политики, а не теологии или этики, то лучшего кандидата трудно было и придумать. Напрягая все свои силы, олигархия стала с ним бороться и правыми, и неправыми средствами; Сервилий вступил даже с ним в конфиденциальные переговоры, предлагая в виде отступного уплатить все его долги; но Цезарь, зная цену призу, отверг предложение, говоря, что в случае чего он готов призанять еще. И действительно, он так всецело окунулся в долги, что утром, в день выборов, на прощанье говорил матери, что либо вернется к ней верховным жрецом, либо не вернется совсем, а уйдет в изгнание. Но счастье было на его стороне: он одержал блистательную победу, получив даже в тех трибах, к которым принадлежали его соперники, больше голосов, нежели они.

Это было жестокое поражение для аристократии, и Цезарь мог тем более торжествовать, что несколько месяцев спустя был избран и в преторы на будущий 62 год до н. э. Но борьба 63-го еще не была исчерпана и в декабре вспыхнула с новою силою по поводу неудавшейся попытки Катилины свергнуть сенатское правление. История этого пресловутого “заговора” относится всецело к биографии Цицерона: к ней мы читателя и отсылаем; здесь же мы коснемся лишь роли, которую при этом играл наш

герой. Что он знал или догадывался о замыслах Катилины, не может подлежать сомнению: он принадлежал с ним к одной и той же партии и был слишком видный тогда деятель, чтоб оставаться чуждым проектов товарища; но принимал ли он действительно участие в предприятии, как утверждали его враги, – более чем гадательно. Он был слишком проницателен, чтоб не видеть безумия его, и слишком практичен, чтоб, видя это, связать свою судьбу с ним. Вероятно, как и в 78 году до н. э. во время восстания Лепида, он предпочитал стоять в стороне, сохраняя благосклонный нейтралитет. Когда поэтому 5 декабря в сенате стал разбираться вопрос об участи арестованных заговорщиков Лентулла и других и вновь избранный консул Д. Силан предложил предать их смерти без суда и апелляции, Цезарь не поколебался выразить свое неодобрение проектам Катилины, но вместе с тем указывал на незаконность и непрактичность Силанова предложения, советуя лучше отправить преступников в какой-нибудь италийский город, где они жили бы под постоянным надзором. Речь его, горячая, негодующая и полуугрожающая, оказала сильное впечатление: сам Силан стал колебаться, а за ним многие другие; но Катон и Цицерон продолжали настаивать на смертной казни, и предложение Силана было принято. Говорят, что Цезарь продолжал еще и после этого протестовать, но вынужден был умолкнуть перед недвусмысленными угрозами стоявших тут же добровольных телохранителей Цицерона: они приставили к его груди свои мечи, и он насилу спасся.

А олигархии это было очень жаль: она все время надеялась скомпрометировать Цезаря и даже уговаривала и подкупала Цицерона объявить его, на основании мифических документов, соумышленником Катилины; но дело не выгорело: Цицерон боялся мести толпы и наотрез отказался дать требуемые показания. И хорошо поступил: когда через несколько дней после описанного Цезарь пришел в сенат с целью ответить на сделанные на него нападки и заседание затянулось дольше обыкновенного, толпа, боясь за участь своего любимца, подступила к курии и грозила разнести ее вдребезги, если ей не представят Цезаря целым и невредимым. Только когда последний вышел к ней со словами успокоения, а Катон обещал устроить даровую раздачу хлеба, толпа притихла и разошлась по домам.

62 год до н. э. был не менее бурен и занимателен, нежели предыдущий. Цезарь, как было упомянуто, был претором, а двумя выдающимися трибунами были Кв. Метелл Непот и М. Порций Катон (Младший). Первый был клеврет Помпея, специально приехавший от его имени и в его интересах занять трибунат, а

второй, известный поборник сенатской аристократии, также специально заставил себя выбрать на эту должность, чтобы оппонировать Метеллу. Атака началась по всей линии. В самый день вступления в должность, 1 января, Цезарь предложил в народном собрании отнять у Кв. Лутация Катулла, его соперника по выборам в понтификат, честь достроить Капитолий: этот именитый аристократ, глава сената, взял на себя эту почетную обязанность еще в 83 году до н. э., когда Капитолий сильно пострадал от пожара, и теперь, израсходовав огромные суммы, готовился начертать свое имя на вновь отстроенных храмах и портиках. Лишить его, после многолетних ожиданий, столь желанного момента было жестоко, но Цезарь имел не столько личные, сколько политические расчеты, желая доставить завершение дела Помпею, а в его лице – демократии. Попытка, однако, не удалась: сенат поднял такой протест, что Цезарь принужден был взять свое предложение обратно. Но, проиграв в этом, он выиграл в другом. В день сдачи Цицероном отчета в своем консульстве, Метелл выступил вперед и запретил ему говорить, обвиняя его, в качестве председателя сената, в превышении власти – в незаконном осуждении на смерть римских граждан и лишении их прав апеллировать к народу. Он намекал на задушенных в капитолийской тюрьме Лентулла, Цетега и других соумышленников Катилины, которых сенат, не обладавший судебными прерогативами, велел казнить, несмотря на протесты Цезаря. Поднялся скандал, в шуме которого обвиняемый успел лишь поклясться, что спас республику; ему ответом были дружные рукоплескания собравшихся несметною толпою всадников и сенаторов, и Цицерон был спасен. Тогда Метелл потребовал дня для рассмотрения вопроса о том, не следует ли пригласить с Востока Помпея для искоренения существующего сенатского беззакония и примерного наказания преступников. Аристократия пришла в оцепенение: это значило явно уничтожить конституцию и передать республику в руки новому Марию. Началась сильнейшая агитация, и в назначенный день сенаторы толпами повалили на форум, твердо решившись расстроить затею. Авгуры не помогли – ими манипулировал Цезарь; оставалась грубая сила, и ею респектабельная аристократия надеялась взять. Главнокомандующим явился Катон: завидев Метелла и Цезаря сидящими друг подле друга, он протиснулся через толпу и преспокойно занял место на трибуне между ними, тем прервав их переговоры. Метелл приказал писцу читать предложения, но Катон вырвал бумагу из его рук и, разорвав ее в клочки, занял прежнее место. Тогда Метелл принялся читать его на память, но третий трибун при всеобщем

смехе закрыл ему рот рукою. Это было сигналом к свалке, и Катон со своею челядью был выкинут из собрания. Но его не так легко было победить: вернувшись во главе многочисленной и хорошо вооруженной банды, он, в свою очередь, напал на Метелла и его друзей, и после жаркой схватки, в которой гуляли не только палки, но и мечи, рассеял собрание. Сенат немедленно постановил отрешить мятежного трибуна и претора от должностей: хотя это было незаконно, и сенат рано или поздно принужден был бы взять постановление обратно, но Метелл, испугавшись, бежал к Помпею докладывать о случившемся. Цезарь же продолжал по-прежнему отправлять свои обязанности, пока сенат не послал вооруженных гонцов стащить его силою с трибунала; он медленно тогда сложил свою тогу и знаки власти, распустил своих ликторов и спокойно ушел к себе домой. Вечером вокруг его дома собралась огромная толпа и предложила ему пойти в сенат; но он успокоил ее, попросил разойтись, говоря, что почтенные отцы не замедлят сами одуматься. И, действительно, перепугавшись демонстрации, сенат через два дня взял свое решение обратно, послал знатных делегатов просить прощения и пригласил его прийти в курию.

Опять Цезарь одержал победу, за которою, впрочем, последовала другая, еще более блестящая. Л. Веттий и Кв. Курий – тот самый Курий, который вместе с любовницею своей Фульвией играл роль провокатора в деле Катилины, – торжественно объявили в сенате, что у них имеются документы, сильно компрометирующие Цезаря как соучастника в заговоре. Аристократия очень обрадовалась: не одну круглую сумму она пожертвовала уже, чтоб впутать ненавистного демократа в это злополучное предприятие; но ее опять постигла неудача. Обвиняемый громогласно спросил Цицерона, не он ли, Цезарь, первый сообщил ему сведения о заговоре, и бедный оратор, потупив глаза, принужден был подтвердить эту ни с чем несообразную ложь, побаиваясь решительного претора и городской толпы. Сенату пришлось проглотить показание своего героя и для соблюдения формальности бросить Веттия в тюрьму, а Курия лишить обещанной ему за шпионство награды.

Но кампания 62-го года еще не утихла. В конце его имел место скандал с Клодием, наделавший столько шума в тогдашнем бомонде и политическом мире. Клодий, из фамилии Клавдиев, отличался дерзостью и легкими нравами и имел связь с женою Цезаря. Во время празднества Доброй Богини, когда в доме верховного жреца собрались на таинство все знатные матроны Рима, молодой донжуан в одежде флейтистки – мужчины были исключены из этих таинств – пробрался к Помпее и был узнан

матерью Цезаря. Назавтра весь город ходуном ходил – казус даже в скандальной хронике Рима был неслыханный, и сенат вкупе и влюбе со жрецами решил, что совершено было кощунство. В сущности, никто не верил ни в Добрую Богиню, ни в ее мистерии, но так как Клодий принадлежал к демократам и представлялся случай унизить Цезаря, то отчего не покривить душою? К тому же сам Цезарь, по-видимому, шел в расставленную ловушку, подтвердив приговор жреческой коллегии о богохульстве и разведшись с женою, – и сенат решил устроить Клодию процесс. Но ему опять суждено было обмануться: большинство судей оказалось политическими единомышленниками Клодия и нашли его невиновным в возводимом преступлении, а Цезарь на вопрос, зачем же он отослал Помпею, со своей обычною находчивостью и дерзостью ответил, что его жена должна стоять выше даже подозрений. Сенатской партии ничего не оставалось, как покориться и злобствовать на свое бессилие.

В 61 году до н. э. Цезарю, в качестве бывшего претора, предстояло управлять провинцией, и воля сената определила ему ту же Дальнюю Испанию, в которой он уже однажды был квестором. Он должен был уехать туда немедленно, но многочисленные кредиторы не хотели его отпустить, пока он не достал себе поручителя на сумму 800 талантов в лице М. Красса. Это задержало его вплоть до лета, после чего он мог, наконец, тронуться в путь. По дороге, гласит известный рассказ, ему с друзьями пришлось ночевать в небольшой деревушке, заброшенной среди гор и дышавшей уютом и спокойствием. “ Как ты думаешь, – спросили Цезаря его спутники, – происходит ли и здесь та же погоня за властью и почетом, что и в Риме?” “Вряд ли, – ответил он, – но я предпочел бы быть первым здесь, нежели вторым в столице”. Этому анекдоту существует pendant[3] из его пребывания в Испании в первый раз. Посетив город Гадес (Кадикс), где находилась статуя Александра Великого, он, говорят, остановился перед нею в глубокой задумчивости, и глаза его овлажились слезами. Друзья спросили его о причине тоски. “Ах, – воскликнул он, – в мои годы Александр завоевал уже весь мир, а я еще ничего не сделал!” Анекдоты очень любопытные, но в их правдивости позволительно усомниться: и по возрасту, и по темпераменту Цезарь был менее всего способен на подобные выходки юношеского честолюбия. Год, проведенный им в Испании, прошел в неустанных занятиях по гражданскому и военному ведомству. Провинция, бывшая еще недавно театром военных действий Помпея, лежала в развалинах и стонала под тяжестью бесчисленных поборов и налогов. Цезарь прежде всего снял с нее подать, наложенную одним из его предшественников, и

объявил различные льготы по уплате натуральных и денежных повинностей. Он кассировал множество решений о продаже с молотка имуществ недоимочных и издал запрещение кредиторам, в случае несостоятельности должника, забирать его землю, скот или инвентарь. Он запретил также обращать кого-либо в рабство за долги. Этими мерами он сразу поставил хозяйство страны на ноги, и с его правления берет начало то благосостояние Испании, которое сделало много городов ее, как, например, Гадес, самыми цветущими в империи. Одновременно же шли успешные завоевания на окраинах: он покорил горные племена Лузитании, овладел главными селениями их и забрал их сокровища. Солдаты провозгласили его императором, а сенат, радуясь, что хоть на время избавился от него, продекретировал ему торжественное молебствие. Главное же, он успел насобрать такую огромную добычу, что по возвращении в Рим летом 60 года до н. э. мог расплатиться со всеми долгами.

Был канун консульских выборов. Желая во что бы то ни стало выставить свою кандидатуру, Цезарь, не дожидаясь прибытия преемника, сдает дела своему квестору и мчится в Рим. Ему предстояла трудная дилемма: в качестве кандидата на должность он обязан был по закону быть в городе и присутствовать при выборах; вместе с тем, если желал получить триумф, на который, в качестве императора, имел право, он должен был оставаться за стенами и там ждать решения сената. Ввиду этого он обратился с ходатайством к последнему изъять его на основании некоторых прецедентов из общего закона и позволить ему явиться в город и иметь триумф. На это последовал отказ, и Цезарь, к досаде почтенных отцов, надеявшихся помешать его кандидатуре, выкинул за борт триумф. Соискателями на должность были, кроме Цезаря, еще Л. Луккей, демократ, и М. Бибул, бывший коллега Цезаря по эдильству и претуре. Аристократия употребляла все усилия, чтоб провалить Цезаря: она даже устроила для подкупа избирателей специальную кассу, куда сам добродетельный Катон внес свою лепту; но усилия были напрасны – Цезарь прошел с громадным большинством, и все, что успели сделать, – это дать ему в сотоварищи его неизменного спутника, М. Бибула, верного паладина аристократии. Тогда-то и составился знаменитый триумвират между Цезарем, Помпеем и Крассом, превративший республику в частное владение этого трио. Помпей вернулся в Рим в конце 62 года до н. э., блистательно окончив войну с Митридатом. Вопреки всеобщим ожиданиям, которые давала основание питать миссия Метелла Непота да и само предложение Манилия, он не вошел в Рим вторым Марием, не объявил себя диктатором и владыкою

государства, а спокойно распустил свою армию и со скромностью, подобающей благонамеренному мещанину, занял свое старое место в курии. Сенат вздохнул свободно – опасность миновала, и с признательностью трусливого раба он отказался подтвердить распоряжения Помпея в Азии и его обещание солдатам наделить их землею. Подобного тупоумия и непонимания своих собственных интересов сенат даже в последнее время – время своего вырождения – еще не обнаруживал: он оттолкнул единственного талантливого человека, который мог быть его защитником, и заставил его раскаиваться в оплошности, которую он сделал, выпустив, вопреки советам и предостережениям друзей, власть из своих рук. Помпей решил впредь быть умнее и, сблизившись с Цезарем и Крассом, заключил с ними союз для совместного достижения власти.

Наступил 59 год до н. э., когда Цезарь отправлял консульскую должность. Первым делом он узаконил публикование протоколов сенатских заседаний с тем, чтоб поставить почтенный конклав в большие против прежнего зависимость и воздействие со стороны публики. Это был крупный шаг в сторону демократии, и отцам он очень понравился. Затем, согласно постановлению его и его товарищей, он внес, в интересах Помпеевых ветеранов, аграрный закон наподобие Руллова 63-го и Флавиева 60 года до н. э. Он имел в виду назначение комиссии из 20 человек с неограниченными правами по закупке и переделу Кампанских земель между беднейшими гражданами, – преимущественно теми, у которых семья состояла из трех и более детей. Внесенный в сенат, этот проект привел отцов в ужас и после бурных дебатов, напоминавших шабаш ведьм на Брокене, провалился с большим треском. Тогда Цезарь перенес его в комиции. В день голосования на форуме высыпала вся знать, и Бибул, поклявшийся, что, покуда он консул, закон не пройдет, ударил во главе вооруженных добровольцев на мирно стоявшую толпу и принялся ее разгонять. Катон же, бывший тогда опять трибуном, протиснулся к ростре и оттуда старался перекричать голоса говоривших в пользу проекта. Видя, что добром тут ничего не поделаешь, Цезарь приказал своим ликторам стащить его с ростры силою, а Помпеевым ветеранам, пришедшим с оружием под платьем, напасть, в свою очередь, на Бибула. Произошла настоящая битва, и немало было переломано ребер и черепов. Старый аристократ и полководец Лукулл едва не поплатился жизнью и спасся только тем, что бросился к ногам Цезаря, слезно моля о пощаде. Демократы выиграли, и не только закон прошел, но и весь сенат принужден был поклясться в том, что свято и ненарушимо будет соблюдать его. Один лишь человек

не угомонился, – то был Бибул. Собрав на другой день сенат, он предложил было объявить аграрный закон Цезаря недействительным; но, встретив угрюмое молчание коллег, все еще памятовавших вчерашнее побоище, ушел к себе домой, заперся и с той поры уже больше не показывался в публике вплоть до конца года. Он довольствовался лишь от времени до времени обнародованием протестов против "нелегальных" поступков своего товарища по должности, выпускал пасквили на его политический и частный характер и издавал свои собственные распоряжения. Но на него никто не обращал внимания, и этот год так и прозван был шутниками годом консульства Юлия и Цезаря. После этого Цезарь без большой оппозиции мог провести и другие законы – об утверждении Помпеевых распоряжений в Азии, о возвращении прав гражданства Капуе, лишившейся их за помощь, оказанную некогда Ганнибалу и с тех пор, несмотря на старания демократов, не получившей их обратно, и т. д. Главным же мероприятием его было дарование льготных условий могущественной компании азиатских публикан, державшей на откупу подати и налоги восточных провинций Рима. Позарившись на богатую добычу, эта компания, в которой состоял членом и Красс, согласилась платить весьма высокую откупную цену; но вскоре, убедившись в невыгодности такой сделки, принялась хлопотать о сложении с нее трети условленной суммы. Ее старания до сих пор были неудачны: несмотря на протекцию Цицерона, сенат, предводимый Катоном, отказывался слушать о каких-либо сбавках; но теперь, когда Цезарь был консулом, они увенчались полным успехом. Этим Цезарь расторг союз, заключенный во время заговора Катилины между сенатом и всаднического сословием (чьим представителем была эта компания), и аристократия осталась окончательно изолированною.

До сих пор вновь составленный триумвират работал на пользу главным образом Помпея и Красса; теперь дошла очередь до Цезаря. По обычаям того времени, каждый претор или консул по окончании своего должностного года получал в управление какую-нибудь из провинций, где в качестве почти независимого администратора он мог, сообразно своим вкусам и способностям, стяжать богатство или славу, или то и другое вместе. Эти провинции распределялись сенатом еще до выборов магистратов, получавших их в управление, так что кандидатам на должность заранее известно было, где через год им придется исполнять приятные обязанности наместника. В 60 году до н. э., однако, когда соискателем на консульский сан был Цезарь, сенат вместо провинций – с целью, вероятно, досадить демагогу – определил в

ведомство будущих консулов надзор за общественными лесами и угодьями Италии. Пост весьма почтенный и полезный, но назначить его Цезарю было насмешкою. Понятно, что теперь, в конце 59 года до н. э., последний стал хлопотать об отмене сенатского определения; и по его инструкциям трибун Ватиний вошел к народу с предложением предоставить ему, Цезарю, в управление Цезальпийскую Галлию и Иллирику с тремя легионами на пять лет. Предложение это было довольно дерзкое: провинции сдавались обыкновенно на год и уже никоим образом с такою большою армиею; но так как тому были прецеденты – Помпей получил диктатуру для искоренения пиратов на три года, а для войны с Митридатом на десять лет, – то Цезарь имел некоторое право его делать. Конечно, оппозиция сената была бешеная, – Катон, его Ролан, неистовствовал больше всех; но в конце концов он вынужден был не только сдаться, но еще и от себя – по рекомендации Помпея – добавить и Трансальпийскую Галлию с одним легионом.

Поражение сената было полное: его неуклюжий маневр лишить Цезаря провинций не удался, – и новому наместнику оставалось теперь уехать во вверенные ему области. Политические дела, однако, задержали его на некоторое время. Консулы 58 года до н. э.,Кальпурний Пизон и А. Габиний, были оба приверженцы триумвиров: первый – новый тесть Цезаря, который в прошлом году женился на дочери Кальпурния, выдав одновременно свою собственную дочь замуж за Помпея, а второй – создание и во всем послушное орудие последнего. Но преторы принадлежали к противоположному лагерю и, лишь только вступили во власть, предложили сенату уничтожить все узаконения Цезаря. Конечно, нападение окончилось ничем: Цезарь многозначительно взглянул на сенаторов, и последние в один голос поспешили заявить, что распоряжения бывшего консула вполне законны, а потому отмене подлежать не могут. Столь же плачевно окончилось и другое нападение, сделанное трибуном Антистием.

В это время решалась участь Цицерона, и Цезарь принужден был пробыть в окрестностях Рима вплоть до конца апреля. Провозглашенный после раскрытия Катилинова заговора спасителем республики и отцом отечества, тщеславный оратор стал обнаруживать такое самомнение и такие притязания на всеобщее поклонение, что надоел решительно всем, а пуще всего триумвирам, которым он досаждал на каждом шагу, обиженный тем, что его не пригласили в члены конкордата. Новые владыки Рима долго терпели его несносные вмешательства в их дела, пока не решились его спровадить. Цезарь предложил ему место в

комиссию 20-ти, заведовавшую переделом Кампанских земель, а когда последовал отказ – пост легата в Галлии. Видя, что и это не помогает, триумвиры решили действовать силою и с этой целью напустили на него Клодия. Оскорбитель Доброй Богини давно уже был разъярен на Цицерона за то, что он дал против него показание в пресловутом его процессе: когда Клодий, уличенный матерью и рабами Цезаря, принялся доказывать, что как раз в момент совершения кощунства он был в отсутствии в другом городе, суетливый оратор поднялся и под присягою показал, что всего за несколько часов до преступления обвиняемый был у него на дому. Клодий поклялся отомстить: при помощи Цезаря и Помпея он приписался к плебейской семье, сделался трибуном и повел атаку на врага, предложив народу наказать изгнанием всякого, кто когда-либо был повинен в смерти римского гражданина. Имя Цицерона не было упомянуто, но оратор, зная за собою грешок по делу Лентулла и его товарищей, понял, в кого метит трибун, и после короткой борьбы удалился в добровольное изгнание. Вот эту-то трагикомедию Цезарь наблюдал, стоя за стенами Рима, и, когда занавес упал, он мог только пожать плечами и произнести в духе мольеровского персонажа: “Tu l'as voulu, George Dandin!”[4]

Глава II

Цезарь в Галлии. – Характер провинций. – Война с гельветами и Ариовистом. – Операции в Бельгии и завоевание Северной Галлии. – Дела в Риме и конференция в Луке. – Первое восстание в Галлии. – Продление проконсульства Цезаря еще на пять лет. – Война с германцами и первая переправа через Рейн. – Две высадки в Британии. – Второе восстание в Галлии и второй переход за Рейн. – Третье восстание в Галлии под предводительством Верцингеторикса. – Опасное положение Цезаря, его маневры. – Осада Алезии и конец кампании. – Умиротворение Галлии. – Смерть Красса и взаимное охлаждение Помпея и Цезаря. – Поворот Помпея вправо. – Смуты в Риме и единоличное консульство Помпея. – Попытка отнять у Цезаря власть. – Курион и борьба в сенате. – Двусмысленное поведение Помпея. – Примирительная политика Цезаря. – Разрыв. – Силы противников. – Переход через Рубикон и взятие Аримина. – Бегство Помпея и сената. – Переговоры. – Занятие Ареция и других городов. – Цезарь у Корфиния и Бриндизи. – Отплытие Помпея в Грецию. – Цезарь – владыка Италии. – Цезарь в Риме. – Операции в бассейне Средиземного моря. – Цезарь у Массилии и в Испании. – Падение Массилии и усмирение военного бунта в Плацентии. – Диктатура Цезаря. – Переправа в Грецию. – Критическое положение Цезаря. – Первые успехи. – Цезарь и его счастье. – Прибытие Антония и отступление из-под Петры. – Стратегические планы Помпея и битва при Фарсале. – Бегство Помпея. – Поведение Цезаря после победы. – Преследование Помпея и смерть его. – Цезарь в Египте. – Опасность и счастливый исход. – Связь с Клеопатрою. – Цезарь в Понте и поражение Фарнака. – Возвращение в Рим. – Распоряжение Цезаря и подавление восстания легионеров. – Высадка в Африке. – Первые неудачи. – Сражение при Тапсе. – Смерть Катона в Утике

Пребывание Цезаря в Галлии составляет одну из самых блестящих страниц в военной истории Европы. Проведши большую половину своей жизни на гражданском поприще, не имея за собою никакого военного опыта, кроме кратковременной службы на Востоке в дни своей молодости, он, поставленный внезапно во главе небольшого войска в 20 – 25 тысяч человек, в девять лет успел покорить многочисленные племена, населявшие обширную территорию так называемой Трансальпийской Галлии. В отличие от Александра, которому приходилось иметь дело с

выродившимися народами, Цезарь был поставлен лицом к лицу с врагом, полным жизни, энтузиазма, патриотизма, отваги и воинственности, – достойными во всех отношениях предками нынешних обитателей упомянутой страны. Одного им недоставало – единства и организации, и этим воспользовался великий полководец и дипломат, чтоб подчинить их гордые головы римскому игу. Рассказывать подробно, каким образом это удалось, выходило бы далеко за скромные пределы настоящего очерка; мы можем лишь вкратце отметить события каждого года, отсылая за более подробным рассказом к самому Цезарю.

Как было уже упомянуто, Цезарь получил в управление три провинции: Иллирику, Цезальпийскую Галлию и Трансальпийскую Галлию. Первая, вдоль северо-западного побережья Балканского полуострова, принадлежала Риму с половины II века до Р. Х., вторая включала нынешнюю Ломбардию и вообще весь север Италии от Альп до реки Рубикон (ныне Цизателло близ Римини). Покоренная в конце II века, она, несмотря на свое культурное развитие, все еще была лишена прав римского гражданства и потому состояла в постоянной оппозиции к сенату. Цезарь, завязавший там обширные знакомства во время пребывания своего в ней по возвращении из Испании во второй раз, потому, собственно, и избрал ее предпочтительно перед более богатыми восточными провинциями, что она представляла сплошной и легко воспламеняющийся материал и вместе с тем могла служить отличным постом для наблюдения за событиями в Риме. Третья же провинция, Трансальпийская Галлия, вовсе еще не была покорена, за исключением юго-восточной окраины ее, известной под именем Нарбонской Галлии, или Римской Провинции (ныне Прованс). Она населялась множеством племен – эдуями, аквитанами, гельветами, секванами, арвернами, венетами и другими, из которых лишь первые находились в дружественных отношениях к Риму, пользуясь его протекторатом. Постоянно раздираемая междоусобицами и подвергаясь нападениям из-за Рейна, эта богатая страна давно уже служила предметом вожделений римского сената; но до сих пор его орлы дальше Женевского озера не проникали, и галльские общины продолжали быть самостоятельными и независимыми. Проконсульство Цезаря имело поэтому особенное значение: это была завоевательная миссия, по своим последствиям культурная, а по ближайшим целям – хищническая, и наш герой выполнил ее с редким успехом.

Прибыв в Женеву, на границах провинции, через 8 дней после отъезда из Рима, он узнал, что гельветы, обитавшие в нынешней Швейцарии, собираются эмигрировать на запад, по ту сторону

Юры, и с этой целью намереваются пройти через провинцию. Он послал им сказать, чтоб те отказались от своего замысла и искали себе другой дороги. Гельветы исхлопотали себе тогда свободный пропуск у секванов, и в числе 368 тысяч человек, из которых больше 90 тысяч были способны носить оружие, тронулись в путь, прошли Секванию и напали на эдуев, друзей Рима. Это тем более не понравилось Цезарю, что присутствие воинственного племени в самом сердце Галлии, вблизи римских владений, было довольно опасно, а потому, имея с собою лишь один легион, он кинулся обратно в Цезальпийскую Галлию, достал там три других, набрал на свой страх еще два и с ними бросился вдогонку гельветам. Он нагнал арьергард у реки Арар (Саону) и, изрубив его, по наведенному мосту перебрался на противоположный берег и быстро пошел дальше. У Бибракты (Отэн) произошло кровопролитное сражение, длившееся от полудня до заката и окончившееся полным поражением гельветов. Они пробовали было бежать, но были окружены и сдались безусловно. Цезарь приказал им вернуться на старые пепелища, и сильно поредевшие массы в числе 100 тысяч принуждены были пойти назад.

Слава Цезаря мгновенно разнеслась, и Давициак, вождь эдуев, попросил его помощи против германского царя Ариовиста, угнетавшего их по подстрекательствам соседних арвернов и секванов. Ариовист получил от римского сената титул царя и союзника, и Цезарь попросил его теперь прекратить свои нашествия и возвратить эдуйских заложников. Храбрый германец гордо отказал, и Цезарь, направившись к нему, забрал у секванов их город Везонию (Безансон) и через несколько дней разбил наголову его самого. Ариовист с горстью дружинников успел бежать за Рейн, но вся его армия была изрублена римской конницей. Это было уже к концу лета, и Цезарь, совершив две кампании в несколько месяцев, отправил войска на зимние квартиры, а сам поехал в Цезальпийскую Галлию заняться римскими делами.

В следующий 57 год до н. э. Цезарь возобновил свои операции с восьмью легионами. Ему пришлось на этот раз иметь дело с бельгийскими племенами, населявшими территорию между Севеннами и Рейном: испугавшись его близости, они объединились в числе 300 тысяч и заняли угрожающее положение перед самыми его аванпостами. Требовалось во что бы то ни стало раздробить их силы, и Цезарь блестяще выполнил задачу, отрядив часть войска опустошить их территорию. В самое короткое время они были разбиты, и Цезарь мог сосредоточить свои силы против нервиев, наиболее сильное и многочисленное племя во всей Бельгии. Вначале он терпел неудачи и однажды

даже был застигнут врасплох в лесистой местности, где его армия чуть не погибла; но его гений и личная храбрость взяли перевес, и нервии потерпели страшное поражение: из 60 тысяч их осталось в живых едва 500 человек. Им на помощь выступили было соседние адуатики, но, узнав о случившемся, вернулись обратно и заперлись в свою крепость. Цезарь потребовал сдачи, но они отказались; тем не менее, увидав чудовищные стенобитные машины врагов, они поняли свое безрассудство и открыли ворота. Но это был лишь маневр: тою же ночью они пытались напасть врасплох на ничего не чаявший римский лагерь; но попытка не удалась – нападение было отражено, и адуатики, числом 53 тысячи человек, были в наказание за вероломство проданы в рабство. Одновременно под начальством легата П. Красса шли успешные покорения венетов, унеллов и других племен северо-западной Галлии, так что к концу лета вся северная половина ее была уже в руках Цезаря. Он отвел войско на зимовку в область эдуев, а сам опять уехал в Цезальпийскую Галлию. Он послал в Рим доклад о своих победах, и сенат продекретировал ему 15-дневное молебствие, небывалое по своей продолжительности за все время существования республики, так как даже Помпей, по заключении Митридатской войны, получил молебствие лишь в 10 дней.

Весну 56 года Цезарь провел в больших хлопотах. Помпей и Красс стали ссориться, и в надежде на распадение триумвирата Л. Домиций Агенобарб, кандидат на консульство, стал угрожать отнятием у Цезаря его провинций и легионов. Под влиянием тех же надежд повел атаку и Цицерон, только что вернувшийся из ссылки: в апреле месяце он произнес восхитившую сенаторов речь, в которой требовал пересмотра положений о помпеевых ветеранах, то есть попросту уничтожения аграрной комиссии, учрежденной Цезарем, и обещал через месяц, 15 мая, внести в этом смысле формальное предложение. Обстоятельства, таким образом, требовали немедленных действий, и Цезарь, свидевшись раньше с Помпеем, пригласил обоих своих коллег на совещание в Луке (ныне Лукка). К назначенному времени туда прибыли Красе и Помпей, а за ними, с поклоном и уверениями в преданности, большая часть знати: 200 сенаторов и столько магистратов, настоящих и бывших, что на улицах города можно было видеть не менее 120 ликторов. Это был настоящий съезд могущественной партии, похожий на собрание царского двора, и результаты были чрезвычайно важны: оба врага были примирены обаятельным Цезарем и условились сделаться консулами в будущем году с тем, чтоб потом получить в управление: Красс – богатую Сирию, а Помпей – обе Испании. Взамен этого проконсульство Цезаря было

продлено еще на 5 лет, а оплата военных расходов произведена на счет государства: колоссальные богатства, награбленные в Галлии, потребны были самому Цезарю на подкуп всевозможных должностных лиц, сенаторов, судей и т. п. Плоды не замедлили сказаться: получив второе внушение от Помпея, Цицерон публично раскаялся, обозвал себя ослом и 15 мая, вместо обещанной речи, произнес в сенате пламенный панегирик гению и добродетелям Цезаря...

Позднею весною 56 года до н. э. победоносный триумвир отправился к войску. Недавно покоренная северо-западная Галлия вплоть до моря составила союз и восстала, и Цезарь принужден был вести кампанию в четырех пунктах: сам с небольшим флотом он действовал против венетов в Бретани, Т. Сабин – в Нормандии, Т. Лабиен в прирейнской области тревиров, а П. Красс в Аквитании против неспокойных басков. План был выполнен блестяще: венеты были разгромлены и проданы в рабство, и союзники их подверглись той же участи. Вся Галлия лежала теперь у ног Цезаря после трехлетней борьбы; тем не менее она продолжала волноваться, и прошло еще много времени, пока она успокоилась.

В 55 году до н. э. постановления Лукского съезда были приведены в исполнение: Помпей и Красс были выбраны в консулы, а трибун Требоний внес предложение о назначении им в провинции Испании и Сирии и о продлении Цезарю срока его проконсульства вплоть до марта 49 года до н. э. Оппозиция аристократии была свирепая: по обыкновению, произошла кровавая свалка на форуме при знакомой уже нам обстановке с неблагоприятными авгурами и чудесами храбрости Катона; но триумвиры одержали победу, и предложение прошло.

В этом году Цезарь рано оставил Италию. Два германских племени, узипеты и тенктеры, теснимые третьим – свевами, перешли Рейн недалеко от его устья и стали основываться в Галлии. Цезарю это не понравилось, и, быстро пододвинувшись к ним, он приказал им убираться назад. Начались переговоры, во время которых узипетская конница напала на часть цезаревой и изрубила ее в куски. Назавтра германские вожди пришли к Цезарю с извинениями, но он приказал их задержать и прервал переговоры. Искусным маневром он окружил злополучных варваров со всех сторон и, сделав внезапную атаку, разбил их наголову. Большая часть их погибла, но немногие успели бежать и перейти обратно за Рейн. Цезарь бросился за ними вдогонку: в десять дней он выстроил через эту реку мост, описание которого и поныне приводит в удивление инженеров, и, переправившись в Германию, опустошил область сигамбров и других. Он вернулся

назад в конце лета и, хотя наступали уже холода, решил сделать высадку в Британии, – не столько ради завоевания ее, сколько в видах рекогносцировки. С двумя лишь легионами он переправился через Ла-Манш и рассеял войска туземцев; они немедленно послали к нему послов с изъявлением покорности, но, когда через несколько дней часть Римского флота погибла от бури, они опять восстали и опять были побеждены. В другое время Цезарь наказал бы их, но так как осень уже давала о себе знать и ему пора было отъехать на зимовку, то он удовольствовался лишь требованием двойного против прежнего числа заложников и вернулся назад. Нужно сознаться, что кампания этого года была довольно бесплодна: набеги на Германию и Британию, не дав никаких положительных результатов, могли и не быть вовсе; но в ознаменование того, что римские легионеры впервые проникли в эти, дотоле неизвестные, страны, сенат постановил 20-дневное молебствие. Немногие лишь восставали против такой чести: один только Катон бушевал, говоря, что за вероломство по отношению к священным особам узипетских послов Цезарь достоин не награды, а казни.

В 54 году до н. э., после короткой экспедиции в Иллирию и усмирения восставших тревиров, Цезарь сделал вторичную высадку в Британии, на этот раз с пятью легионами. Отплыв из порта Идия, между нынешними Кале и Булонью, он быстро овладел всем полуостровом Тэнетом, разбил британские силы при Темзе, перешел реку и покорил значительную часть теперешних графств Эссекса и Миддльсекса. Взяв заложников и определив ежегодную дань, но не оставив ни гарнизонов, ни крепостей, он вернулся к концу лета в Галлию, совершив опять бесполезную военную прогулку. Ввиду сильного недорода хлебов Цезарь принужден был на этот раз расположить свою армию в различных пунктах, чем некоторые племена – эбуроны, нервии и адуатики – воспользовались, чтоб организовать восстание. Кампания была упорная, и некоторые легионы потерпели сильное поражение; но Цезарь подоспел к ним вовремя на помощь и разбил неприятеля наголову. 60-тысячное войско последнего было рассеяно, но Цезарь принужден был всю зиму оставаться в Галлии, чтоб подавлять отдельные вспышки.

Лето 53 года до н. э. было лишь продолжением предыдущего. Галлия продолжала быть неспокойною, и Цезарь вынужден был на подмогу вызвать еще два легиона: один – собственный, из Цезальпийской Галлии, а другой – специально одолженный у Помпея. Значительно подкрепленный, он вновь покорил нервиев, секванов, корнутов и тревиров. Последним помогали некоторые германские племена, и Цезарь, покончив на время с галлами,

перешел вторично за Рейн, покорил убиев, опустошил страну свевов и тем заставил их удалиться в леса и болота. Вернувшись, он опять имел дело с эбуронами и после некоторых побед заставил их вновь признать власть Рима. Усмирив затем вторично сенонов и карпатов, он расположил свои войска на зимние квартиры в Бельгии и сам по-прежнему поехал в Цезальпийскую Галлию.

В Риме, в начале 52 года до н. э., был убит Клодий и осложнившиеся дела требовали присутствия Цезаря в Италии. На это рассчитывали галлы, чтоб сделать последнее усилие и сбросить ненавистное иго. Загорелся всеобщий и страшный пожар, охвативший все племена, даже дружественных эдуев: под предводительством храброго и гениального Верцингеторикса, они с замечательным единодушием и энтузиазмом восстали, грозя разрушить плоды всех шестилетних трудов Цезаря. Последнему пришлось волей-неволей оставить свой наблюдательный пост и предпринять дело покорения Галлии сызнова. Его ждало крупное затруднение на первых же порах: он имел с собою лишь незначительное войско, все же главные силы его находились в сердце Галлии, окруженные со всех сторон восставшими племенами и потому совершенно отрезанные от Италии. Надлежало соединиться с ними и сосредоточиться в одном пункте, и Цезарь употребил хитрость. Перебравшись через Севенны глубокой зимой, по снегу в шесть футов толщины, он очутился в стране арвернов, менее всего помышлявших о нападении с этой стороны, и обрушился на них со всею силою. Немедленно они послали Верцингеториксу сказать, чтоб он поспешил к ним на помощь, и Цезарь, только и желавший, что привлечь внимание неприятеля на этот пункт, оставил Децима Брута с незначительным отрядом продолжать военные действия, а сам поспешил в страну лингонов, где стояли два его легиона. Передвигаясь необычайно скорыми маршами, он прибыл туда прежде, чем Верцингеторикс мог узнать, где что происходит, и, соединившись с армией, быстро овладел всеми окружными городами, в том числе и Аварикумом (Бурж), главною крепостью битуринов, единственно пощаженною среди всеобщего опустошения. Он разделил тогда свои силы на две части и, отправив Т. Лабиена против сенонов и паризиев, сам с шестью легионами вторгся опять к арвернам. Здесь он осадил было столицу их Герговию, но восстание эдуев и захват ими Новиодунума (Нуана), где находились его магазины, заставили его снять осаду и воссоединиться со своим легатом. Это было чрезвычайно трудное предприятие, но оно удалось благодаря искусным маневрам. В это время Верцингеторикс, во главе

огромных сил, стал угрожать Римской Провинции, и Цезарь немедленно решил отправиться ему вослед. Он победил в рукопашной, заставил его отступить к Алезии (Алеза в Бургундии) и запер его там с 70 тысячами человек. Началась осада, и Цезарю уже удалось обвести город валами, когда, в свою очередь, был окружен 300 тысячами галлов. Положение было едва ли не самое критическое за все время пребывания Цезаря в Галлии, но гений его спас: он разбил неприятельские полчища и вслед за тем, хотя и не без труда, взял город и самого Верцингеторикса. Предприятие галлов рухнуло, и, после усмирения эдуев и арвернов, Цезарь мог расположиться среди первых на зимних квартирах и послать в сенат известие о счастливом окончании труднейшей войны. Восхищенный сенат продекретировал ему опять 20-дневное молебствие.

Восстание было, таким образом, сломлено, но искры вспыхивали еще там и сям, так что Цезарю пришлось все лето 51 года до н. э. провести в окончательном усмирении Галлии. Ему опять приходилось иметь дело с карнутами, белловаками, кардуками и аквитанами, после чего он провел зиму в Бельгии. Предвидя, что ему вскоре придется вернуться в Италию, он занялся теперь умиротворением покоренной страны и устранением поводов к недоразумениям и мятежам. Он не накладывал больших податей, предоставил многим городам самоуправление и щедро одарил вождей. Наученные горьким опытом последних лет и видя в то же время мягкое обращение с ними Цезаря, галлы теперь смирились и безропотно приняли римские законы и римскую администрацию. Они живо и вполне претворили новую культуру во всех ее формах и вскоре сделались достойнейшими носителями ее, передав через ряд веков ее дух и тенденции своим отдаленным потомкам.

Весною 50 года до н. э. Цезарь вернулся в свою Цезальпийскую Галлию и с тревогою стал наблюдать все более и более омрачавшийся политический горизонт Рима. За последние несколько лет произошли крупные перемены: в сентябре 54 года до н. э. умерла от родов Юлия, дочь Цезаря и жена Помпея, а в 53 году до н. э., во время похода на парфян, погиб Красс. Помпей и Цезарь остались одни владыками государства, но насколько изменились отношения между ними, видно из того, что когда Цезарь, с целью вновь породниться и тем закрепить союз, предложил своему товарищу жениться на его племяннице Октавии, жене К. Марцелла, с тем, чтоб он, Цезарь, в свою очередь, взял дочь Помпея, тогда замужем за Фаустом Суллою, Помпей отказал, женившись на другой. Дело в том, что теперь впервые победитель Востока, еще так недавно считавшийся

первым военным талантом своего времени, стал чувствовать, как почва ускользает из-под его ног, благодаря блестящим успехам Цезаря в Галлии. Вообще, лишенный прозорливости и дипломатических способностей, он, однако, не был настолько слеп, чтобы не видеть, что как демократия, так и аристократия ценят его лишь потому, что видят в нем кандидата на диктатуру, столь необходимую для их спасения. Если же его слава и престиж, как величайшего полководца Рима, теперь отойдут к другому, то что останется от его значения в политическом мире как приз для той или другой партии? Помпей задумался и, видя, как народ стал переносить свое внимание все более и более на его соперника, решил потихоньку повернуть вправо. Обстоятельства как нельзя более благоприятствовали ему. Пятьдесят четвертый год до н. э. прошел в беспрерывных смутах, не дававших возможности делать выборы: подкуп с обеих сторон гулял в таких гомерических размерах, что деньги вздорожали и процент повысился. Консулы 53 года до н. э. были поэтому выбраны лишь летом того же года, так что в продолжение первых шести месяцев римское государство управлялось регентами (interrex'ами) из сенаторов, сменявшимися каждые 5 дней. Ржавая государственная машина пришла в застой, и новый 52 год до н. э. открылся при дурных предзнаменованиях. В январе на Аппиевой дороге Клодий был убит Милоном, сенатским кандидатом на консульство, и народное раздражение перешло в мятеж: сенатское здание было сожжено, и Милон вместе с Interrex'ом Лепидом были осаждены на дому. Тогда олигархия, радуясь возвращению к ней Помпея, своего блудного сына, объявила осадное положение и назначила его, по предложению Бибула и Катона, столпов республиканской конституции, единоличным консулом, то есть консулом без коллегии. Это было вопиющее нарушение законов: помимо того, что мнение триб не было спрошено, Помпей не имел права, в качестве проконсула, войти в Рим и, во всяком случае, не мог отправлять консульской должности без сотоварища. Но какое значение имеет конституция и сама прославленная республиканская свобода, когда дело идет об интересах правящих классов? О них можно и даже должно кричать, когда нарушителями их являются демократы; когда же на очереди стоит вопрос об участи аристократии, ими можно вполне пренебречь. Quod licet Jovi, non licet bovi[5], – гласила житейская мудрость, а сенатская олигархия была как раз мудра, как змий. Конечно, Помпею все это было как нельзя больше на руку: усмирив военною силою “державный” народ, он в пять месяцев поставил дело сената на прочную ногу и, избрав своим коллегою своего нового тестя Кв. Цецилия Метелла Сципиона, заклятого

аристократа, сделался, как в былые времена, надеждою и оплотом знати. С этого момента начинается его двусмысленная политика по отношению к Цезарю. Проконсульство последнего, как было упомянуто, оканчивалось собственно 1 марта 49 года до н. э., но так как преемник его из консулов того же года не мог сменить его раньше начала 48-го, то Цезарь имел возможность оставаться во власти весь 49 год. Этим обстоятельством он и хотел воспользоваться, чтобы выставить свою кандидатуру на консульство 48 года, дабы ни минуту не оставаться частным лицом, подлежащим суду и сенатскому гневу, которым грозился Катон. Но для этого требовалось формальное изъятие из общего закона о необходимости кандидатам присутствовать при выборах, – и вот трибуны, друзья Цезаря, начинают хлопотать в этом смысле у сената. Помпей, державший фактически всю олигархию в руках, дарует это изъятие, но через некоторое время издает подтверждение закону предыдущего года, в силу которого между консульством и проконсульством одного какого-нибудь лица должен впредь протечь промежуток в 5 лет. Этим, только под невинною формою, он сразу уничтожил льготу, дарованную Цезарю, и агенты последнего должны были прибегнуть к угрозам, чтоб заставить его внести прибавочный пункт о том, что закон 53 года к Цезарю не относится. Он сделал это, однако, своей личною властью, не спросясь комиций, а потому мог при случае легко увернуться, ссылаясь на его незаконность и недействительность. Цезарю мораль этого была более чем понятна, а события 51 года еще больше разъяснили ее. В январе новый консул М. Клавдий Марцелл, игнорируя узаконения предыдущего года, внес в сенат предложение о том, чтоб отозвать Цезаря, окончившего уже Галльскую войну, и лишить его права выставлять кандидатуру в отсутствие. Помпей счел за благоразумное уехать из города, и сенат, не решаясь что-либо предпринять без его согласия, разошелся ни с чем. В октябре, однако, Марцелл возобновил свое предложение, и, так как Помпей на этот раз заявил, что воля сената священна и решениям его должно повиноваться, почтенные отцы решили 1 марта следующего года формально обсудить вопрос о переделе провинций между новыми наместниками. Они, однако, чересчур уж смело делали свои выкладки: один из новых консулов Л. Эмилий Павел оказался подкупленным кругленькою суммою в 1500 талантов, которые он тогда же истратил на постройку знаменитой базилики его имени, а другое важное должностное лицо – энергичный и способный трибун К. Скрибоний Курион – тоже обязан был галльскому Аладдину за ссуженные ему 60 миллионов сестерций (сестерция – около 10 коп.). Естественно, что когда наступило роковое 1 марта

50 года до н. э., дело пошло совсем не так, как того ожидали отцы: Курион внес контрпредложение о том, чтобы оба соперника – и Помпей, и Цезарь – сложили свою власть и распустили свои легионы, дабы никому из них не было обидно и государство не осталось в распоряжении одного лица. Сенат был застигнут врасплох и опять должен был разойтись, не придя ни к какому заключению. Через несколько месяцев вопрос поднялся опять: на этот раз без всяких экивок предлагалось назначить Цезарю преемника к 13 ноября текущего года; но Курион наложил свое veto, повторил свою поправку и сильною, полною угроз речью так подействовал на умы слушателей, что получил огромное большинство в 370 голосов против 22. Победа была блестяща, и собравшийся у курии народ приветствовал победоносного трибуна бешеными рукоплесканиями и устлал его путь домой цветами. Цезарь знал, какой товар покупать!

Но на этом дело не кончилось. Помпей не был на последнем заседании сената и теперь, узнав о случившемся провале, опрометью кинулся в Рим на подмогу оплошавшим друзьям. Конечно, заявил он, воле сената надлежит повиноваться, и никто более его не готов ее уважить; тем не менее, из дружбы к Цезарю, которому, как он достоверно знал, было бы весьма приятно вернуться в Рим после стольких лет отсутствия, он осмеливается просить отцов пересмотреть свое недавнее решение и назначить Цезарю преемника. Но на сцену опять явился отважный Курион: в горячей речи он протестовал против оказания предпочтения какой-либо из сторон и требовал от обоих проконсулов безусловного повиновения принятому сенатом решению под угрозою быть объявленными государственными изменниками. Помпей, не отступавший перед градом стрел, отступил перед градом слов, и Курион торжествующе закрыл заседание. Тем не менее, чтоб не казаться побежденным и в то же время ослабить Цезаря, сенат потребовал от обоих проконсулов по легиону будто бы для войны с парoянами: этим он лишал Цезаря двух легионов – одного собственного, а другого – одолженного в 53 году до н. э. у Помпея. Уловка была прозрачна, но приказ был исполнен в точности: солдаты, щедро одаренные, прибыли из Галлии, но вместо отправки на восток были размещены вокруг Капуи.

Для Цезаря теперь не могло уже быть никаких сомнений, что спорный вопрос разрешится не иначе, как при помощи оружия. Оставив поэтому свою армию на зимних квартирах в Бельгии и среди эдуев, он с одним легионом прошел в Цезальпийскую Галлию и, пододвинувшись к самой границе ее, расположился в городе Равенне. Отсюда он мог легче манипулировать своими агентами и друзьями в Риме и одним маршем проникнуть в

Италию. В конце года он решил сделать со своей стороны формальное предложение сенату: он выразил свою готовность сложить власть и распустить легионы, если то же сделает и Помпей. Письмо было прочитано в сенате М. Антонием, сподвижником Цезаря и вновь избранным трибуном; но поднявшийся гвалт помешал ему окончить, и собрание разошлось ни с чем. Тогда Цезарь сделал последний шаг: он послал вторично письмо через Куриона, в котором, не упоминая уже о Помпее, он отказывался от Трансальпийской Галлии и просил лишь Цезальпийскую и Иллирику с двумя легионами. Такое скромное предложение пришлось по вкусу, и сенаторы с Цицероном во главе готовы были поддержать компромисс, но Помпей заупрямился и настаивал на полнейшем разоружении Цезаря. Тогда, среди шума и протестов со стороны Куриона, Антония и других, было постановлено, вопреки раз уже принятому решению, чтобы Цезарь к назначенному дню распустил всю свою армию и передал Трансальпийскую Галлию Л. Домицию Агенобарбу, а Цезальпийскую с Иллирикою – М. Сервилию Нониану. Это было равносильно объявлению войны, и Антоний с Курионом, опасаясь репрессалий, принуждены были бежать из Рима. 6 января сенат объявил осадное положение, а 7-го, собравшись за городом, вручил Помпею главное командование над всеми силами государства, на случай, если Цезарь откажется повиноваться его декрету и начнет военные действия.

Роковой шаг был сделан, и 11-го Цезарь уже знал о случившемся через курьеров. Решение давно уже было принято им: хотя с собою у него было лишь около пяти тысяч человек, но он знал, что и у врагов дело обстоит не лучше, так как из 10 легионов, на которые они могли рассчитывать, семь находились в Испании, два – на юге Италии, около Капуи, и лишь один – в окрестностях Рима. Правда, Помпей сильно надеялся еще на сулловых ветеранов, расположенных в кампанских колониях, и уверял всех и каждого, что стоит ему лишь топнуть ногою, как вокруг него вырастут солдаты; но это было чрезвычайно сомнительно и Цезарь был уверен, что, покуда его противник успеет осмотреться, он, Цезарь, овладеет уже всем севером Италии. Тем временем подоспеют и другие его девять легионов из Трансальпийской Галлии, и он сможет пойти на самый Рим. Заручившись поэтому согласием своего легиона и послав остальным приказ выступить немедленно ему на помощь, он 15 января днем отсылает вперед несколько когорт, а сам с остальными догоняет их ночью, недалеко от Рубикона, в 30 верстах от Равенны. За этой рекою начинались владения сената, въезд в которые проконсулам был воспрещен, и Цезарь, как

гласит известный, хотя и довольно сомнительного достоинства, анекдот, остановился в этом месте в раздумье, колеблясь, вернуться ли ему назад, пока не поздно, или пойти вперед. Наконец, он решился: встряхнув головою, он воскликнул: “Жребий брошен!” – и первый вошел в реку. Он немедленно, не дав войску передохнуть, направился к Аримину, небольшому городу при Адриатическом море, и на заре достиг его и взял без боя. Здесь нашел он направлявшихся к нему Антония и Куриона, равно как и посланца от Помпея с письмом, в котором двуличный друг извиняется в своем недавнем поведении и выражает желание помириться. Конечно, это было сделано лишь с целью выгадать время, но Цезарь, желавший показать свое миролюбие, ответил изъявлением своей готовности сложить власть, если то же сделает и Помпей, и просил личного с ним свидания. Гонцы помчались теперь обратно к Помпею, но его уже не было в Риме: лишь только разнесся слух о переходе Цезаря через Рубикон и о падении Аримина, как всем почтенным сословием сенаторов овладела смертельная паника, и все они, со своим вождем, напрасно топавшим ногою, бросились бежать на юг, забыв впопыхах даже захватить государственную казну. Вся Аппиева дорога была покрыта знатными беглецами в носилках и верхом, опрометью скакавшими к Капуе, где стояли два жалких их легиона; насилу гонцы догнали их, не доезжая этого города, и вручили Помпею письмо Цезаря. Ответ заставил себя несколько ждать – утомленные беглецы едва переводили дух; наконец, через два дня он был вручен и отвезен обратно. Оказалось, что от Цезаря требуют безусловной покорности и распущения войска, после чего только и могут начаться переговоры о мире! Это было уже слишком, и Цезарь, в свою очередь, ответил на это занятием Ареция и целого ряда других важных пунктов, как Игувий, Ависим, Фанум, Пизанум и др.

Так началась междоусобная война, приведшая к гибели республиканского строя. Прежде чем раздался выстрел с той или другой стороны, вся северная половина Апеннинского полуострова была уже в руках Цезаря; но вместо того, чтобы идти на беззащитный Рим, победитель предпочел направиться к Капуе, чтоб отрезать Помпею отступление из Италии и помешать ему переправиться на восток: там еще была жива память о его подвигах, и обаяние его имени могло привлечь большие силы под его знамена. Путь Цезаря лежал через область Тирену, и здесь ему впервые пришлось встретить сопротивление со стороны города Корфиния. Это был весьма важный стратегический пункт, господствовавший над всей центральной Италией, и туда бросился с многочисленной знатью знакомый нам Л. Домиций

Агенобарб, чтоб задержать Цезаря. Последний приступил к его осаде, и через семь дней гарнизон, не получая от Помпея помощи, заставил Домиция капитулировать. Все запасы, арсеналы и вся знать попали в руки Цезарю; но, отчасти из великодушия, отчасти из расчета, он всех отпустил на свободу, отдав им даже их казну. Этим он привлек на свою сторону многих нерешительных людей, оттого лишь не пристававших к нему, что видели в нем второго Мария или Суллу и опасались проскрипций. Даже Цицерон, еще незадолго до того называвший его вором и грабителем, переменил теперь тон и в частных письмах выражает уверенность, что к Цезарю пристанет вся Италия, если он и впредь так будет поступать, как поступал до сих пор. И оратор не ошибся: весь путь Цезаря представлял триумфальное шествие, сопровождаемое отовсюду изъявлениями восторга и покорности. Зато, подойдя к Капуе, ему пришлось узнать, что Помпей улизнул из его рук: удалившись в Бриндизи, главный порт Италии на востоке, последний уже деятельно занимался переправою своих войск в Эпир и готовился вскоре сам последовать за ними. Цезарь, располагавший шестью легионами, бросился туда с необыкновенною быстротою: он осадил город 6 марта и пробовал было вступить с противником в переговоры; но тот отказался, ссылаясь на отсутствие консулов и сената, а 17-го очистил город, отчалив с последними остатками армии в Грецию. Цезарю, не имевшему ни одного корабля, пришлось отступить, но во всей Италии уже не было ни одного врага.

Через два с половиной месяца после перехода через Рубикон, Цезарь подступал теперь к Риму его полновластным владыкою. Так как консулы уехали из Италии вместе с Помпеем, трибуны М. Антоний и Кв. Кассий Лонгин, пользуясь древнею прерогативою, созвали за городом сенат для выслушивания отчета Цезаря в его последних действиях. Это было жалкое собрание: составленное отчасти из давнишних жрецов галльского золота, но большею частью из помпеян, пытавшихся было бежать, но вернувшихся с полдороги, оно, как испуганное стадо, внимало вежливым речам Цезаря и робко отвечало аплодисментами на его заверения в миролюбии и патриотизме. Оно выразило свое искреннее пожелание скорейшему окончанию братоубийственной войны и уполномочило Цезаря вступить в переговоры с Помпеем. После этого оно с миром разошлось, и Цезарь, забрав казну и назначив М. Лепида префектом города, а М. Антония – начальником италийских войск, оставил Рим после двухнедельного пребывания в его окрестностях.

За неимением флота он все еще не мог преследовать Помпея и потому обратил теперь свое внимание на Средиземное море,

где много важных пунктов находилось в руках его противников. Прежде всего под самым боком были Сицилия и Сардиния, житницы Рима, занятые Катоном; с другой стороны, была Иллирика, тоже хлебородная провинция, в недалеком расстоянии от Эпира, также в руках помпеян; на крайнем же западе была Испания, провинция Помпея, где стояли семь легионов, цвет римской армии, готовые ежеминутно отправиться на соединение со своим вождем. Оттого еще из Бриндизи Цезарь отрядил верного Куриона с четырьмя легионами в Сицилию прогнать Катона, а немного позже послал на подобные же миссии Кв. Валерия в Сардинию и К. Антония в Иллирику. Теперь же, посетив Рим, он решил сам отправиться в Испанию. Ему пришлось ехать через Римскую Провинцию, и здесь город Массилия (Марсель), важный торговый и культурный центр, населенный греками, войдя в переговоры с крейсировавшим тут же А. Домицием, запер перед ним ворота. Он пробовал было его осадить, но, видя, что дело может затянуться надолго, передал ведение осады К. Требонию и Д. Бруту, а сам поспешил далее. Испанские ветераны находились под начальством помпеевых легатов: Л. Афрания, имевшего три легиона, М. Петрея – два, и М. Теренция Варрона, знаменитого ученого, имевшего также два. Цезарю впервые предстояло иметь дело с армией, прошедшей ту же школу дисциплины и тактики, что и его, и первое время он действительно проигрывал: Афроний и Петрей соединились и нанесли несколько жестоких поражений непобедимому дотоле полководцу; но талант последнего взял верх, и оба легата принуждены были вскоре сложить оружие. Сами они, по обычаю Цезаря, были отпущены на все четыре стороны, но лучшая часть их армии была присоединена к армии победителя, и только новобранцы получили расчет. Немного спустя и Варрон, понимавший в книгах больше нежели в военном деле, сдался без боя близ Кордовы, и Цезарь, блестяще окончив кампанию в сорок дней, мог вернуться обратно в Италию. Одновременно, нужно добавить, и Курион выжил из Сицилии Катона, с достоинством удалившегося в Эпир, и Валерий овладел Сардинией; но первый, перенесший военные действия в Африку, вскоре погиб в борьбе с Юбою, царем мавританским, а К. Антоний проиграл решительное сражение в Иллирии и был взят в плен. Цезарь возвращался домой тою же дорогою, которою приехал, и по пути опять остановился перед Массилией, все еще державшейся, несмотря на инженерное искусство осаждающих. Узнав, что Цезарь вернулся из своей экспедиции победителем и что ей, стало быть, нечего ждать уже помощи из Испании, она теперь капитулировала, сдавшись на дискреционных условиях. Несмотря на досаду за ее

упорство и на недвусмысленные требования солдат предать богатый город грабежу, благоразумный победитель не сделал Массилии никакого зла и даже возвратил ей ее самоуправление и хартии. Это ему даром не прошло: стоявшие в Плацентии (Пьяченца), в долине По, несколько легионов давно уже волновались, не получая обещанных наград, и теперь, по прибытии из-под Массилии солдат, обманутых в своих надеждах на грабеж, открыто возмутились, браня своего полководца и требуя расчета. Немедленно Цезарь кинулся туда: он изъявил свою готовность раскассировать всех их тут же на месте и, вместо обычного своего обращения “солдаты”, обозвал их словом “Quirites”. Это имело магический эффект: не только, значит, Цезарь, ведший их к стольким победам, не нуждался в них, но еще презрительно называл их квиритами – простыми гражданами, не носившими оружия. Военная честь была затронута, и с криком раскаяния мятежные солдаты бросились к его ногам, умоляя простить их и принять снова на службу. Цезарь долго отказывался, но, наконец, уступил, предав, однако, казни 12 зачинщиков.

Цезарь, после десятилетнего отсутствия, прибыл теперь в Рим, провозглашенный Лепидом диктатором. Это было далеко не законно: претор не имел права назначать диктаторов, а сенат даже не был спрошен. Но год близился уже к концу, и требовалось настоятельно созвать комиции для выбора будущих должностных лиц, – что мог сделать только сановник высший, нежели Лепид, а именно – консулы или диктатор. Так как первые были в отсутствии, то оставалось назначить второго, и Цезарь вступил в столицу, облеченный магистратурою, неслыханною, кроме как в суллово правление, за последние 120 лет. Он продержал, однако, власть только 11 дней – до окончания комиции: выбранный сам с неким П. Сервилием Веттией консулом на 48 году до н. э., он сложил свой сан и немедленно опять уехал из Рима.

В Бриндизи его ждали теперь несколько транспортных судов и войско, сильно поредевшее за время пребывания в Испании. Помпей же успел к этому времени собрать в Греции, Египте и Азии – театре его прежней славы – сильную армию в 80 тысяч человек и большой флот, перед которым жалкие корабли Цезаря были совершенно бессильны. Этим флотом командовал М. Бибул, и Цезарю, благодаря его беспечности, удалось 4 января переправить в Эпир около 15 тысяч пехоты и 600 человек конницы. Он высадился в 150 верстах к югу от Диррахия, где были расположены главные квартиры Помпея, и тотчас же отослал обратно свою флотилию в Бриндизи, чтоб привезти

Антония с остальными легионами. Но Бибул уже не дремал: он переловил корабли, сжег тридцать из них и, раздосадованный на свою недавнюю оплошность, перебил весь экипаж их. Положение Цезаря стало критическим, но он смело пошел на север, взял без боя города Орик и Аполлонию и очутился в 75 верстах от Диррахия. Он пробовал было пойти дальше по тому же направлению, но, подойдя к Опсу, небольшой реке между Аполлонией и неприятельскими квартирами, наткнулся на Помпея, занявшего правый берег, и принужден был остановиться. Здесь оба противника стояли лицом к лицу в течение нескольких месяцев – от января до мая, – не решаясь начать действий: Цезарь хотел вступить в переговоры, но, дело расстроилось по настояниям Т. Лабиена, некогда его друга и главного лейтенанта в Галлии, а ныне перешедшего на сторону сената. Цезарь с нетерпением ждал остального войска, чтоб перейти в наступление: он посылал к Антонию приказы за приказами поскорее поспешить, но тот сам почти был блокирован в Бриндизи помпеянским флотом и не мог тронуться с места. Говорили впоследствии, что, не понимая причины такой проволочки, Цезарь нанял 12-весельную лодку и решил сам, несмотря на опасности, переправиться в Бриндизи. Но буря даже на реке была такая, что кормчий долго не решался пуститься в море, пока Цезарь не успокоил его, говоря, что он “везет Цезаря и его счастье”. Приблизившись, однако, к устью реки, Цезарь сам увидел безрассудство предприятия и вернулся назад к всеобщему ликованию солдат.

Наконец, в мае месяце, появился флот Антония и был виден почти одновременно из обоих лагерей. Немедленно родосская эскадра Помпея бросилась из Диррахия перенимать его, но буря развеяла и разбила ее, и весь экипаж попал в руки Цезарю. Опять, как в прошлые разы, он отпустил своих врагов с миром, а Антоний тем временем успел благополучно пристать к небольшой Нимфейской бухте, в 70 верстах к северу от Диррахия. Помпей бросился также на север, чтоб помешать соединению обеих армий, но Цезарь пошел ему в обход и соединился со своим помощником в то время, как Помпей лежал в засаде, поджидая Антония по кратчайшей дороге. Обманутый и выбитый из прекрасной позиции, он поднялся теперь выше к Диррахию, к городу Аспарагию, и здесь расположился лагерем. Цезарь, уверенный теперь в своих силах, предложил ему сражение, но, получив отказ, ловким маневром выбил его и из этой позиции и заставил отступить еще выше, к высокой местности Петре, где тот и занял почти неприступное положение. Цезарь вздумал блокировать его: имея только 22 тысячи человек, он стал

обводить его огромными валами в 15 верст окружностью, с тем, чтоб отрезать его сношения с морем и вместе с тем обезопасить себе самому подвоз припасов; но попытка окончилась плачевно: он разбросал свои немногие силы, и Помпею нетрудно было сделать вылазку и опрокинуть все его сооружения. Завязался бой, и Цезарь с тяжелым уроном принужден был отступить назад к Аполлонии, благодаря небеса и за то, что противник не заставил его принять генеральное сражение. “Помпей не умеет побеждать”, – сказал он тогда, и был совершенно прав: спор мог окончиться в тот час совсем иначе, чем он окончился месяцем позже. В Аполлонии, однако, Цезарь не остался. В мае, когда прибыл Антоний, он выслал Домиция Кальвина с двумя легионами в Фессалию, с целью задержать тестя Помпея, приближавшегося с подкреплениями с востока. Кальвин удачно выполнил поручение и, заняв горные проходы, спокойно оставался все эти месяцы vis-a-vis Сципиону, не пуская его ни на шаг дальше. К нему-то теперь, обессиленный поражением при Петре, Цезарь отправился на соединение, а одновременно и Помпей выступил на выручку тестя. Обе стороны благополучно совершили соединение и очутились недалеко от Лариссы, у равнины Фарсальской. До сих пор Помпей всячески избегал сражения в открытом поле: хотя на его стороне и был численный перевес, но его армия состояла большей частью из новобранцев, и он справедливо рассчитывал постепенно приучить ее к дисциплине, ослабляя в то же время противника маневрами и частыми, но небольшими нападениями. Но теперь, когда Цезарь уже раз потерпел поражение, а войско Помпея было подкреплено контингентами с востока, знать, окружавшая его, стала роптать и требовать немедленного сражения. Она упрекала своего вождя в нерешительности, жаловалась, что ей не удастся в этом году есть свежие фиги в Тускуле, и была так уверена в исходе, что переделила уже между собою провинции и должности. Очевидно, молодые кавалеры, не знавшие поражения в гостиных Рима, были уверены в своей непобедимости и на бранном поле, и Помпей, несмотря на свое нежелание, принужден был уступить. Утром 9 августа он вывел свое 50-тысячное войско на равнину и занял выгодную позицию, имея холмы с тылу и реку с обрывистым берегом справа; левое же крыло, замыкавшееся семью тысячами всадников, было растянуто так, чтоб обойти правый фланг Цезаря и напасть на него с тылу. Цезарь это понял и, имея лишь 22 тысячи пехоты и тысячу конницы, сосредоточил свои главные силы на своем правом крыле, поставив туда всю кавалерию и знаменитый еще со времени Галльской кампании десятый легион. Он отдал им приказ не метать копий, а бить ими помпеянским

кавалерам прямо в лицо и расположил остальную армию в три линии, отрядив лишь перед самым началом боя несколько когорт в подкрепление правому крылу. Сам он стал туда же и повел атаку двумя первыми линиями сразу. Одновременно, однако, помпеева конница ударила в десятый легион, но прежде, чем она могла понять положение, на нее посыпались удары в глаза, и храбрые щеголи не выдержали: быть изуродованным казалось им хуже поражения, и, закрыв лицо руками, они пустились бежать. Тотчас ряды Помпея пришли в смятение, и Цезарь, выслав третью линию, несколькими натисками опрокинул их. Начались бегство и резня, и около 15 тысяч человек, в том числе 10 сенаторов и 40 всадников, остались на поле убитыми. Цезарь же потерял всего около 200 и с удвоенной энергией ударил в неприятельский лагерь, где Помпей сидел в своей палатке, погруженный в глубокое раздумье и не зная, в припадке горя, что делать. Услыхав, однако, штурм, он быстро поднялся с немногими приближенными по направлению к Лариссе. Цезарю достался весь лагерь со всеми запасами и амуницией, а на другой день ему сдались без боя 20 тысяч человек, бежавших одновременно с Помпеем, но настигнутых цезаревыми легионами. Победитель обошелся с пленными, по своему обыкновению, великодушно: он не только никого не наказал, но еще всех обласкал и отпустил на свободу. Тогда же прибыл к нему с мольбою о пощаде и Марк Брут, который пробовал было удалиться с Помпеем в Лариссу: Цезарь простил его, тепло обнял и приблизил к себе, чтоб впоследствии пасть под его кинжалом.

Фарсальская битва решила судьбу государства, и, как только весть о ней прибыла в Рим, Цезарь, в ознаменование нового порядка вещей, был провозглашен диктатором на год и облечен трибунским саном на всю жизнь. Он, однако, не пошел в Рим, а, отослав туда лишь М. Антония с частью армии, отправился с горстью конницы и одним легионом вслед за Помпеем, удалившимся в Египет. Он прорезал Фессалию до Амфиполиса, а оттуда вдоль берега дошел до Геллеспонта и, перебравшись на противоположный берег, прошел всю Малую Азию. Приняв покорность этой провинции и водворив в ней порядок, он с 3200 пехоты и 800 конницы перешел в Египет и высадился в Александрии. Но Помпея уже не было в живых. Бежав из Фарсалы через Лариссу к морскому берегу, а оттуда по Эгейскому морю на остров Лесбос, он забрал поджидавших его там жену и младшего сына и вместе с ними направился к Кипру, надеясь найти там убежище. Но ему отказали; отказала также и Сирия, и бывший владыка Рима бежал в Египет, с покойным царем которого он некогда был дружен. Он приблизился к Нилу, и молодой

Птолемей XII, узнав о его прибытии, выслал ему лодку с приглашением приехать к нему в Пелузию. Оставив на кораблях близ берега жену и сына со всею свитою, Помпей сел в лодку, но не успела она доплыть до пристани, как сидевший с ним Ахиллас, царский адъютант, и Септимий, бывший его легионер, напали на него сзади и умертвили его. Его голова, перед одним видом которой дрожал некогда Восток, была отделена от туловища, и через несколько дней, когда прибыл Цезарь, преподнесена ему со всею торжественностью. Но гуманный соперник с отвращением отвернулся: он вспомнил, что Помпей был некогда его родственник и друг, и приказал похоронить его ужасные останки с подобающими почестями.

Цезарь прибыл в Александрию в октябре 48 года до н. э., и обстоятельства задержали его там вплоть до июня следующего. Египет в это время был раздираем междоусобицами из-за престолонаследия: находясь под римским протекторатом, он управлялся, однако, собственными царями, и в данный момент на троне должны были сидеть 17-летний Птолемей и его сестра, знаменитая красавица Клеопатра, 19-ти лет. Но, подстрекаемый опекунами, Птолемей сестру прогнал, и армии обеих враждующих сторон находились теперь недалеко от Пелузии при устье Нила. Прибытие Цезаря внесло новый фактор в борьбу, и соперники кинулись к властителю мира за содействием. Женолюбивый Цезарь взял, конечно, сторону Клеопатры и, пригласив к себе в Александрию Птолемея, удержал его в плену. Немедленно уличная толпа стала волноваться, и извещенная о случившемся птолемеева армия в Пелузии пошла на выручку царя. Положение Цезаря, имевшего под рукою небольшой отряд, стало незавидным, и, чтоб выгадать время, пока подоспеют подкрепления из Азии, он пошел на уступки, отпустив Птолемея на волю и отдав Арсиное, его младшей сестре, провозгласившей себя царицей вместо Клеопатры, остров Кипр. Но волнение на улицах перешло в буйный мятеж, и Цезарь, чтоб не быть блокированным, принужден был действовать открытою силою: он занял главные пункты города, захватил остров Фарос и сжег стоявший там флот вместе с арсеналом. Вспыхнул страшный пожар, и пламя, перебросившись на берег, уничтожило большую часть библиотеки с 400 тысячами книг. Тем не менее толпа не унималась, и Цезарь, быть может, не вышел бы из Александрии живым, если бы в это время не прибыла наконец помощь с востока. При Ниле произошло кровавое сражение, и Птолемей вместе со своим войском погиб. Александрия притихла, и на престол взошла Клеопатра вместе с младшим своим братом.

Все это время, несмотря на опасности, Цезарь прожил в

одном приятном веселье. Счастливый любовью волшебной египтянки и вместе с тем не желая показать толпе, как сильно его беспокойство, он проводил дни и ночи в блестящих пирах, устраивая бесконечные праздники с фейерверками и театральными представлениями. Он хотел даже, говорят, во главе пышной флотилии подняться с царицей вверх по Нилу, к самым его истокам, но проект не был выполнен, вероятно, потому, что никто о нем серьезно и не думал. Говорили также, что родившийся вскоре у Клеопатры сын, названный Цезарионом, был его сыном; но, насколько это верно, никто в точности не знал; Октавиан, однако, сделавшись римским императором, позаботился устранить его и убил, когда тому было 16 лет.

По окончании египетской или, скорее, александрийской войны Цезарь, распростившись с прекрасной царицей, пошел через Сирию в Понт. Царь этой страны Фарнак был посажен на престол Помпеем по низвержении его отца, Митридата, и во время недавней борьбы, естественно, взял сторону своего благодетеля. После битвы при Фарсале он стал мечтать о возрождении Понта как независимого государства и теперь находился в открытом восстании против Цезаря, успев даже разбить его легата Кв. Децима Кальвина и овладеть соседними и дружественными с Римом царствами Армении и Каппадокии. Но все это сразу переменилось, когда на сцену появился Цезарь: зная, что он спешит в Италию, Фарнак пробовал было затянуть дело переговорами; но тот не дался в обман и 2 августа окружил его со всех сторон при Зеле. Здесь, на том самом поле, где Митридат когда-то одержал блестящую победу над римскими легионами, произошла кровавая битва, и Фарнак был разбит наголову. Его войско легло почти до единого, и он сам бежал и вскоре погиб. Все это заняло лишь пять дней, и Цезарь мог с полным правом послать в Рим свою знаменитую депешу: “Пришел, увидел, победил!”

Теперь Цезарю оставалось овладеть Африкою, где находились Сципион и Катон, чтоб быть полновластным господином римского мира; но неотложные дела звали его в столицу. Он был в отсутствии уже более полутора лет, и за это время Рим оставался без высших должностных лиц. Срок же его диктатуры близился уже к концу, и надо было обязательно поспешить, чтоб держать выборные комиции вовремя. К тому же он получил известие о новом возмущении своих солдат, находившихся на этот раз в Кампании, среди которых был и любимый его десятый легион: все еще не получая обещанных наград в виде земли и денег, но получив взамен того приказ готовиться к выступлению в Африку, они восстали, изломали значки, убили нескольких

офицеров и изуродовали посланных к ним Антонием для разбора дела двух сенаторов. Дело было в высшей степени серьезное, и Цезарь, как только покончил с Фарнаком и кое-как устроил азиатские дела, помчался в Рим, куда и прибыл в октябре. Немедленно, назначенный снова диктатором на год, он созвал комиции и заставил выбрать в консулы на остаток года Кв. Калена и П. Ватиния, а на следующий, 46-й, себя и Лепида. Пока же он назначил последнего начальником конницы, а М. Антония – городским префектом. В это время мятежные легионы, прогнав посланного к ним Цезарем Саллюстия, двинулись на город и, подступив к самым стенам, потребовали к себе диктатора. Цезарь бесстрашно вышел к ним и спросил, чего им надо. “Расчета и уплаты обещанного”, – отвечали они, и Цезарь немедленно велел раскассировать их всех. Поднялся шум, и разгневанный полководец, как в прошлый раз, обозвал их квиритами. Опять бушующая толпа, глубоко ужаленная, в мгновение притихла и стала просить прощения, крича, что они – его солдаты и готовы идти за ним повсюду. Цезарь простил, но лишил главарей надела и одной трети добычи. Позднее он воспользовался первым подвернувшимся поводом, чтоб распустить десятый легион, с которым он одержал столько побед.

Спустя несколько недель, в ноябре месяце, он отправился в Африку. Сборным пунктом был назначен сицилийский порт Лилибей; но Цезарь с отборным отрядом в три тысячи человек пехоты и 150 конницы двигался так быстро, что не застал еще всех войск и принужден был переправиться в Африку, не дождавшись их. Говорят, что, вступив на берег, он споткнулся и упал, так что суеверные солдаты уже готовы были видеть в этом дурную примету; но Цезарь быстро нашелся и воскликнул: “Африка, я держу тебя!” Солдаты пришли в восторг и в припадке энтузиазма просили повести их против неприятеля немедленно же. Цезарь так и сделал и, двинувшись к Утике, где находился Катон, подступил к городу Адрумету. К. Консидий, державший его, не хотел сдаться, и Цезарь, не желая терять времени, пошел дальше, взял без боя Лептис и здесь остановился, послав приказ своим подкреплениям поспешить. На него двинулся теперь с многочисленным войском его бывший сподвижник Лабиен, и Цезарь, опрометчиво приняв предлагаемое сражение, проиграл и вынужден был отступить. Он укрепился теперь на морском берегу и простоял там до тех пор, пока не прибыли его войска из Сардинии и Азии. Тотчас же он перешел в наступление и, выбив Сципиона из блестящей позиции близ Узиты, заставил его 6 августа принять генеральное сражение. Дело происходило при Тапсе, и ветераны десятого легиона, не дожидаясь команды,

ринулись вперед и увлекли за собою все остальное войско и самого Цезаря. Битва продолжалась недолго: помпеянцы не выдержали и бросились бежать, но нашли лагерь свой уже занятым. Они отступили к соседним высотам, но тут были окружены и взяты в плен. Потеря их была огромная – почти все генералы их погибли, и Цезарь, потеряв лишь 50 человек, остался фактически господином Африки. Тем временем Катон жил в Утике, лелея бесплодные надежды. Узнав 8 числа о поражении при Тапсе, он, однако, понял, что дело республики погибло безвозвратно, и решил не пережить ее. Усадив своих друзей и приближенных на корабли и отправив к Цезарю просить пощады гарнизону, он с семейством и наиболее близкими людьми оставался до тех пор, пока не узнал о близости врага. Он собрал их тогда вечером к себе на ужин, побеседовал с ними на стоические темы о свободе мудреца и, удалившись в свою спальню, занялся чтением платоновского “Федра” о бессмертии души. В полночь, легши на кровать, он взял свой меч и вонзил его себе в живот. Он не сразу умер, и сбежавшиеся на его стоны люди принялись было зашивать ему рану, но он сорвал бинты, раскрыл своими руками шов и истек кровью. Так погиб последний из республиканских идеологов, донкихот аристократии, искренний, но малоталантливый человек. В следующем столетии его имя окружено было ореолом и стало лозунгом оппозиции, и сам Цезарь, найдя его мертвым, принужден был выразить сожаление, что своей смертью Катон отнял у него удовольствие простить человека, который был его лютейшим врагом. Крышка гроба теперь окончательно захлопнулась над могучею некогда республикою, и Рим, после долгих столетий, вновь увидел в своих стенах монархию, хотя и под другим именем и с другим содержанием, чем прежде.

Глава III

Новое государственное уложение. – Старые формы и новое содержание. – Государственно-правовое положение Цезаря. – Его прерогативы, титулы и почести. – Примирительная политика по отношению к республиканцам. – Внимание, оказываемое народу. – Реформы Цезаря: ограничение ростовщичества, ограждение и насаждение мелкой собственности, заботы о провинциях и упорядочение календаря. – Историческое значение цезаревых реформ. – Недовольство оппозиции. – Стремление Цезаря к царскому титулу. – Составление заговора и участники его. – Иды марта и смерть Цезаря. – Цезаризм и его историческое значение. – Литературная деятельность Цезаря

На развалинах разбитого здания Цезарь, вернувшись в Рим в конце июля, принялся строить новое, на новых основаниях. Старые политические формы пережили себя: сенат превратился в совет частных землевладельцев, должностные лица – в послушных исполнителей его воли, а комиции – в старую ржавую машину, поддававшуюся манипуляциям со стороны всевозможных лиц. Республика стала химерою, но открыто провозгласить это было тем опаснее, что люди, после пяти веков глубокой веры в нее, все еще не отказывались видеть в ней нечто действительно существующее, подлежащее лишь некоторым изменениям сообразно новым условиям жизни. Цезарь, достигши власти, не счел поэтому нужным, да и возможным, объявить во всеуслышание конец старого строя; зная, как людям дороги не только убеждения их, но и предрассудки, он задался целью вложить в старые формы новое содержание так, чтобы переход не был резок и люди продолжали верить в то, во что верили до сих пор. Сенат, магистратуры и комиции остались по-прежнему основными элементами государственного порядка; по-прежнему они исполняли свои административные, исполнительные и законодательные функции, как они выработаны были в течение предыдущих столетий; но над ними всеми господствовала отныне единоличная воля Цезаря, лишавшая их реального значения. Состав сената был увеличен до 900, и, лишившись многих своих членов за время последней борьбы, он был восполнен приверженцами и креатурами Цезаря, менее всего мечтавшими о самостоятельной роли. Число преторов было увеличено до 16, квесторов до 40, эдилов до 6, а консулы, хотя и остались в числе двух, избирались теперь на шесть, на три и раз даже на два месяца. Этим значение и авторитет их были упразднены, и из

орудий сената они все превратились в орудие владыки. Самый источник, откуда они черпали свою власть, лишился самостоятельности: не имея уже более возможности выбирать между кандидатами разных партий, потому что сами партии исчезли, комиции в сущности лишь подтверждали назначение Цезаря, который нередко сам обходил трибы, рекомендуя народу своих людей. Удержав формы державности, народ потерял ее сущность, и если раньше у него не было над чем править, то теперь он править совсем перестал.

С другой стороны, и для определения своего собственного положения Цезарь не внес никаких существенных изменений в государственно-правовой порядок страны. Зная, что власть его покоится не на юридических формулах, а на действительной логике вещей, выдвинувшей его как поборника демократических интересов, он решил до поры до времени щадить предрассудки народа и ничем не напоминать ему о ненавистных царях дореспубликанского периода. Все, что он сделал для легитимации своего положения, состояло лишь в расширении и соединении в своем лице главных из существующих должностей, которые давали ему законные прерогативы в тех или других областях государственного управления. Конечно, и это было значительным отклонением от республиканского уложения в сторону монархии; но формы все-таки были соблюдены, а это было главное. Так, он прежде всего был облечен консульскою властью на десять лет с тем, чтобы мог созывать и председательствовать в сенате и народном собрании и быть главнокомандующим на случай войны всех войск государства. Затем, не исполняя, в силу своего патрицианского происхождения, самой магистратуры, он возложил на себя пожизненную трибунскую власть, дававшую ему возможность вносить в комиции законопроекты и опротестовать любое решение сената или должностного лица. Он был назначен пожизненным цензором с титулом префекта нравов для того, чтобы иметь возможность контролировать личный состав сената, удаляя из него неблагонадежные элементы. Он был провозглашен далее пожизненным императором, или, другими словами, начальником внеиталийских владений Рима, что делало его верховным правителем всех провинций и полным владыкою всех войск, там находящихся. И к довершению всего этого, как бы для оттенения одного лишь формального значения всех перечисленных должностей, он был назначен диктатором республики на всю свою жизнь: этим вся страна была как бы поставлена в постоянное осадное положение и Цезарь сделан полновластным вершителем ее судеб. Монархия, таким образом,

царила уже полная, но отсутствие соответствующего действительному положению дел термина давало людям возможность обманывать себя насчет истинного характера нового порядка и значительно облегчало дело примирения с ним.

Общий характер положения Цезаря был, следовательно, таков, как если бы он был лишь primus inter pares – первый среди равных; но раболепный сенат делал со своей стороны все, чтобы придать этому первенству его настоящее значение. Поднесши ему почетный титул отца отечества – тот самый, который получил некогда Цицерон за свои услуги по делу Катилины, – он позволил ему постоянно носить пурпурное платье триумфатора и иметь на голове венок из лавровых листьев. Он окружил его гвардией из знатнейших юношей, объявил его особу неприкосновенною и поклялся поголовно беречь его жизнь риском своей собственной. Его сенатское кресло было поставлено между креслами консулов на небольшом возвышении; его статуя из слоновой кости была поставлена в Капитолийском храме Юпитера, среди изображений богов, а другая статуя из бронзы, изображавшая его на шаре, была помещена в храме Квирина с надписью: “Непобедимому божеству”. Месяц, в который он родился, был в честь его переименован из Квинтилия в июль, а на золотых монетах Рима появляется его профиль, – обычай, существовавший дотоле лишь на азиатском Востоке.

Теперь посмотрим, что Цезарь успел совершить за свое кратковременное правление. Его первая мысль была об умиротворении страны, о подавлении тех инстинктов вражды и раздора, которое были пробуждены в последней междоусобной войне. Его политика по отношению к помпеянам была поэтому с самого начала примирительная, и, как он однажды писал своим друзьям, высшее наслаждение, которое он находил в победе, состояло в том, что он мог прощать людей, поднимавших против него оружие. Конечно, природная и просвещенная гуманность играла тут не последнюю роль; но и простой расчет подсказывал ему то дружелюбие и незлобливость, которые он обнаружил по отношению к Бруту, Домицию, Цицерону и многим другим политическим противникам, попавшимся ему в руки. За исключением всех тех, которые сражались против него под знаменами Юбы – союзника Помпея, но все же варвара, – помпеяне, начиная от солдат и кончая генералами, были все прощены и получили назад свое имущество. Лишь некоторые, особенно упорствовавшие, были объявлены стоящими вне закона, но и из них многие вернулись впоследствии по прощению и ходатайству своих друзей. Тех ужасов – политических процессов, доносов, убийств и казней, которых римское общество

насмотрелось вдоволь во времена Мария и Суллы, – не было теперь и тени, и даже бумаги, найденные в лагерях при Фарсале и Тапсе, были Цезарем сожжены непрочитанными, дабы не могло быть лишних поводов к репрессалиям. Оставалось лишь реабилитировать память самого Помпея, и это было сделано в 44 году до н. э. приказом восстановить его статуи, сброшенные Антонием после Фарсальской победы. “Этим Цезарь поставил вечную статую самому себе”, – заметил по этому поводу Цицерон, и лесть была не без основания.

Но, делая все, от него зависящее, чтоб примирить оппозицию, Цезарь главное внимание свое посвящал нуждам и желаниям той партии, в интересах которой он держал мандат. Он не забывал своего политического происхождения и всеми поступками и мерами ясно показывал источник своей власти и на какие классы он думает опираться. Объявляя амнистию помпеянам, он, например, одновременно вернул из ссылки всех пострадавших за время диктатуры Суллы и единоличного консульства Помпея: он воротил им их гражданские права, отдал им имущество и щедро вознаградил за понесенные убытки. И, как бы для того, чтобы подчеркнуть истинное значение этой меры, он изъял из манифеста Милона, проживавшего в изгнании в Массилии: этот сенатский клеврет убил Клодия, и Цезарь, умевший прощать своим личным врагам, не мог простить врагу народа. Публика от этого пришла в восторг, диктатор позаботился закрепить настроение веселыми праздниками и угощением. Возвратившись тогда как раз из Африки, он дал каждому легионеру по 24 тысячи сестерций и участку земли, а зараз уже каждому нуждающемуся гражданину по 400. Он дважды угощал население обедом, и 200 тысяч человек пировали за 22 тысячами столов, получив сверх того еще по 10 мер хлеба, 10 фунтов масла и освобождение на год от квартирной платы. Но все это были лишь подачки, а потому ничто в сравнении с тем, что он предпринял для излечения язв, которыми страдало римское общество. Многое из того, что он совершил, осталось нам неизвестным; многое было лишь начато и не докончено, и многое задуманное так и не успело осуществиться; но и то незначительное, что мы знаем, свидетельствует о деятельности, поразительной по своему разнообразию и плодотворности, во всех отношениях превосходящей все, совершенное республикой за последние два столетия. То был целый ряд мероприятий, направленных к устранению зол, над которыми в бессилии надломилась аристократическая олигархия, – целая серия реформ во всех областях общественной и экономической жизни, которые с такою настойчивостью требовали Гракхи 100 лет тому назад. Описать их

все на двух-трех страницах невозможно, и мы поэтому ограничимся лишь перечислением главных из них.

Мы имеем прежде всего меры, принятые им к облегчению участи должников. Кулацкая эксплуатация, как первая форма господства денежного капитала, возникающая при разложении натурального хозяйства, процветала в древней Италии, и борьба с нею, в видах освобождения свободного землепашца из кабалы, была одним из главных пунктов в программе тогдашних демократов. Цезарь установил максимальный процент в 12 в год, запретил насчитывать проценты на недоимки процентов и приказал кредиторам засчитать в счет капитального долга уплаченные уже им проценты, производя расчет по ценам, господствовавшим до последней междоусобной войны. Значение этих мер станет ясно, когда вспомним, что даже добродетельный Брут не стеснялся драть по 48 процентов и что за последние несколько лет земля, под залог которой выдавалась ссуда, пала в цене на четверть и даже половину ниже своей действительной стоимости. Одновременно же Цезарь запретил иметь при себе больше нежели 60 тысяч чистыми деньгами, дабы ограничить размеры свободных капиталов, могущих быть отданными в рост, и направить их в производительные каналы.

Но, оградив, насколько мог, мелкую собственность от хищничества кулаков, Цезарь позаботился в то же время и о насаждении ее. Мы уже видели, как, верный традициям Гракхов, он в бытность свою консулом выселил 20 тысяч человек в кампанские колонии; теперь, задавшись мыслью уничтожить пролетариат и восстановить крестьянство как основу экономической жизни страны, он предпринял колонизационное дело в широчайших размерах. Шесть небольших выселков было устроено в самой Италии, и две огромные колонии для 80 тысяч человек были заложены в Карфагене и Коринфе. Это представляло собой лишь начало колоссального эмиграционного предприятия, но уже и его было достаточно, чтоб уменьшить число неимущих граждан, получавших даровой хлеб, с 320 тысяч на 150 тысяч. Параллельно же, в видах ослабления конкуренции рабского труда и доставления заработков аграрному пролетариату, он узаконил, чтоб число свободных работников на фермах составляло впредь, по крайней мере, одну треть всех рабочих рук. Для увеличения же числа самих этих ферм и вообще для поднятия земледелия и промышленности, сильно пострадавших за последнее время, он издал целый ряд законов против непроизводительного потребления богатств, ограничив количество предметов роскоши – пурпура, золота и драгоценных камней, – могущих быть во владении личности, и определив

максимум расходов на стол и постройки. Он собирался вдобавок осушить понтинские болота, расширить гавань Остию, прорезать коринфский перешеек и издать свод публичного и частного права.

Все это было сделано главным образом для самой Италии, но много было сделано и для провинций. Положение последних, высасываемых наместниками и публиканами, было ужасно: во многом схожее с положением испанских колоний XVI века и Индии под владычеством современной Англии, оно всецело определялось взглядом на них как на “добычу римского народа” (Цицерон), подлежащую беспощадной эксплуатации и расхищению. Еще в 60 году до н. э. в качестве консула Цезарь провел усиленные законы против вымогательства в провинциях, расширив компетентность существующих судов на определение не только характера проступка, но и лиц, его совершивших, и наказания, которому они подлежат. Теперь он подтвердил эти законы и внес ряд изменений в фискальную систему, облегчивших как самую тяжесть налогов, так и способ платежа их. Откуп прямых податей, ложившийся таким гнетом на Азию, Африку и Сицилию, был совершенно отменен, и хлеб из этих местностей, собираемый до того публиканами, теперь поступал непосредственно в казну. Косвенные же налоги сдавались по-прежнему на откуп, но число и размеры их, как, например, в Сицилии и обеих Испаниях, были значительно уменьшены и действия публикан при сборе их подвергнуты контролю. Самое же главное, что успел совершить в этой области Цезарь, было дарование многим провинциям и провинциалам прав римского гражданства: этой мерою, которая также была pium desiderium[6] демократов в течение столетия, целые общины и множество отдельных личностей были уравнены в юридическом отношении с коренными жителями Италии и поставлены в одинаковое с ними положение относительно податных изъятий и других привилегий в области экономической, судебной и политической. Таковы были вся Цезальпийская Галлия, многие города Испании, Римской Провинции и Азии. Целый легион Трансальпийской Галлии, отличившийся своею преданностью, получил римское гражданство, а также все люди либеральных профессий – ученые, философы, врачи, художники и проч.

Последнее показывает нам заботы Цезаря по просвещению, и в связи с этим можно упомянуть о задуманном им проекте устроить в Риме публичную библиотеку наподобие Александрийской.

Из остальных реформ остается упомянуть о приведении в порядок календаря. Римский год со времени Нумы состоял из 354 дней, к которым каждые два года прибавлялся месяц из 22 и 24

дней попеременно, так что в среднем он имел 365 дней и 6 часов. Сам по себе несложный, процесс прибавления этого месяца давал, однако, жрецам возможность производить различные фокусы и орудовать календарем в интересах той или другой партии и личности. Ко времени Цезаря результатом такого бесцеремонного обращения с гражданским годом было то, что он спешил на 67 дней против солнечного, и осенние праздники выпадали летом, а весенние – зимой. Получался невозможный абсурд, и Цезарь, при содействии александрийского математика Созигена и писца М. Флавия, принялся в 46 году до н. э. за исправление ошибок. Он вычислил погрешность, прибавил к текущему году 90 дней, отменил систему прибавочных месяцев совсем и, взяв в основание годичный кругооборот земли, установил год в 365 дней и 6 часов. Этим он сам сделал небольшую ошибку: солнечный год равен приблизительно 365 дням 5 час. 48 мин. и 48 сек.; но она так незначительна, что едва составляет 1 день в 130 лет. Календарь этот, известный под именем юлианского, находится поныне еще в употреблении в России и Греции; на Западе же его сменил григорианский в XVI веке, основанный на более точном исчислении времени.

На этом мы остановимся. Что большинство этих мер, несмотря на добрые намерения автора их, были лишь паллиативами, которые не в состоянии были уничтожить зло в самом корне, является виною самого исторического процесса, не выработавшего еще тех высших форм жизни, переход к которым разрешил бы тогдашние проблемы всецело: мелкая собственность, как она ни неустойчива в борьбе против сил экономического прогресса, все же была единственным, хотя и временным, исходом из затруднительного положения, и Цезарь, стремясь к восстановлению и укреплению ее, делал все, что только мог делать человек в то время.

Негодование, с каким латифундисты встречали все эти реформы, легко понять: они видели, с какою бесцеремонностью попираются священнейшие права крупного капитала – денежного и поземельного, – и воочию убеждались, как не напрасны были их опасения перед наступлением царства “демагогии”. Но бороться против нового режима было бы неблагоразумно: за Цезарем стояла вся народная масса, и в сознании своего бессилия аристократическая оппозиция принуждена была затаить злобу в ожидании удобного момента, когда симпатии публики несколько остынут. Такой, по-видимому, момент наступил скорее, чем даже смели рассчитывать, и в этом немало виноват был сам Цезарь, решившийся порвать с прошлым и, не обращая внимания на республиканские традиции, восстановить царский сан. Первые

симптомы обнаружились в 45 году до н. э. В конце предыдущего года было получено известие о восстании в Испании под предводительством двух сыновей Помпея – Кнея и Секста. Движение было широкое и опасное, и, хотя заваленный работой, Цезарь принужден был самолично отправиться подавлять его. Это взяло недолго: 17 марта 45 года до н. э. инсургенты проиграли решительное сражение при Мунде, едва, впрочем, не стоившее жизни самому Цезарю, и в сентябре победитель мог уже вернуться в Рим праздновать победу. По обычаю, освященному древностью и практикою, триумф полководцу полагался только за покорение иноземных врагов: римские граждане, даже объявленные изменниками государства, оставались соотечественниками, праздновать поражения которых считалось неуместным и оскорбительным для гражданского достоинства общества. Оттого, когда Цезарь вернулся из Африки, он все свои четыре триумфа справлял над иноземцами: галлами, египтянами, понтийцами и мавританцами; победа же его над Помпеем не признавалась победою, а потому и не была отмечена. Но теперь, в 45 году до н. э., возвратясь из Испании, он отпраздновал триумф не только над испанцами, но и над сыновьями Помпея и их приверженцами: этим он как бы обнаружил недостаток уважения к званию римского гражданина и желание низвести его в положение подданного. Естественно, что, хотя сенат и продекретировал ему 50-дневное молебствие, народ был недоволен и стал поговаривать о тирании. Между тем намерения диктатора стали обнаруживаться все ясней и ясней. Однажды утром статуя его подле ростры (ораторской трибуны на форуме) была найдена с царской повязкою на голове: это был своего рода пробный шар, пущенный друзьями “нового курса” с целью позондировать общественное мнение; но публика приняла его недружелюбно и бешено рукоплескала трибунам Марцеллу и Цезетию, сорвавшим венок, называя их вторыми Брутами. Спустя некоторое время, в январе 44 года до н. э., когда Цезарь отправлялся на Альбанскую гору, чтоб принять участие в национальном празднестве, чьи-то голоса в толпе приветствовали его царем: опять ответом было негодование народа, схватившего крикунов и поволокшего их в тюрьму. Сам Цезарь, видя, что дело не налаживается, принужден был с достоинством заявить, что он не царь, а Цезарь, что, впрочем, не помешало ему потом выразить свое неодобрение трибунам, взявшим на себя исполнение народного приговора. Но решительный шаг был сделан 15 февраля того же года, во время празднества Луперкалий – римского карнавала. Сидя на золотом кресле близ ростры, Цезарь наблюдал, как вся родовая и должностная знать нагишом, с

небольшим поясом у бедер, обегала улицы и форум, ударяя ветками встречных женщин и тем, по народному поверью, предохраняя их от бесплодия. В самом разгаре этой курьезной церемонии к нему подбегает запыхавшийся М. Антоний, тогдашний консул, и, вынимая из-за пояса диадему, подносит ее Цезарю как “народный подарок”. В стоявшей кругом толпе раздались жиденькие аплодисменты, но, так как в общем она безмолвствовала, Цезарь счел за благоразумное отклонить, чем и вызвал гром рукоплесканий. Антоний приостановился, но тотчас же снова протянул диадему при одобрительных криках клакеров; толпа по-прежнему угрюмо молчала, и Цезарь вторично покачал головою ко всеобщему ликованию публики. Повторять пантомиму было бы излишне: ее смысл бы ясен, и Цезарь, привстав, приказал снести диадему в Капитолий к Юпитеру.

Ярость оппозиции при виде подобных сцен не знала границ, и, убежденная в сочувствии народа, она решила, что настало время ковать. Вести борьбу в открытую было немыслимо: для этого не хватало ни сил, ни мужества; оставался заговор – и этот путь был избран. В нем приняло участие до 60 человек, и, по странной иронии судьбы, большинство из них оказалось помпеянскими дезертирами, прощенными и даже облагодетельствованными Цезарем. Таков был, например, К. Требоний, только что назначенный диктатором в наместники провинции; таков был П. Каска, назначенный в трибуны; Д. Брут, правитель Галлии и консул будущего года, М. Базиль, претор прошлого года, и мн. др. Один лишь Сульпиций Гальба, насколько нам известно, имел личную обиду против Цезаря, получив отказ в консульстве, да, пожалуй, еще Л. Таллий Цимбер, брат которого был изгнан из Рима, несмотря на заступничество друзей. Остальные были все чем-либо обязаны диктатору, и больше всех сами вожди К. Кассий Лонгин и М. Юний Брут. Первый, заклятый аристократ и важный сподвижник Помпея, командовал республиканским флотом в последней войне и постыдно сдался Цезарю без боя немедленно после Фарсалы. Победитель не особенно любил его за желчный и скрытный характер: “Я боюсь этих бледных и худых людей”, – говорил он про него однажды; тем не менее он оказывал ему всевозможные знаки внимания, сделав его претором и предназначив для него на 43 год до н. э. богатую провинцию Сирию. Второй, племянник и зять Катона, потомок, как говорили, того Брута, который почитался за основателя республики, пользовался особенным доверием Цезаря: он первый прибежал к нему после Фарсальского сражения и был принят как родной. Стоик и ростовщик, он не отличался, однако, силою характера, как можно было бы

заключить, судя по этим двум излюбленным римским “профессиям”; он был вовлечен в заговор Кассием скорее из-за тщеславия, чем в силу республиканских убеждений: отправляя должность претора, он часто находил на своей скамье записочки обидного и в то же время лестного содержания, вроде того: “Ты спишь, Брут?” или “Ты – не Брут”, а однажды кто-то начертил на статуе Л. Брута слова: “О, если бы ты жил!”. Все это сильно задевало его, и, после некоторых колебаний, он пристал к предприятию, увлекши в него, благодаря своему имени, и множество других. Цезарь в это время собирался в поход против парфян.

Так как в священных сивиллиных книгах оказалось, что парфяне могут быть побеждены только царем, друзья диктатора, к которым принадлежали, разумеется, и мудрые истолкователи предсказания, решили в Иды (15 марта) поднять в сенате вопрос о том, не надлежит ли объявить Цезаря царем хотя бы на внеиталийские владения Рима. Это, конечно, должно было послужить переходом к провозглашению Цезаря царем и в Риме, и заговорщики решились в этот день нанести удар. Слух о готовящемся покушении проник и в публику, и народная молва устами вещих прорицателей довела его и до ушей Цезаря, предостерегая его на 15 марта; но самоуверенный диктатор не обращал внимания и даже распустил свою гвардию. Рассказывают, что вечер 14 марта он провел за ужином в обществе Лепида, Антония и других друзей. Имея массу работы – завтра, между прочим, в виду скорого отъезда на Восток, он должен был сдать консульство Доллабелле, – он удалился в соседнюю комнату и погрузился в разбирание бумаг и писем. Среди занятий он вдруг слышит, как друзья его обсуждают вопрос, какого рода смерть самая приятная. “Неожиданная!” – кричит он им через полуотворенную дверь, и друзья, до которых тоже дошли неопределенные слухи о готовящемся, пришли в сильное смущенье и молчаливо разошлись. Утром, в роковой день, жена ни за что не хотела пускать его в сенат: находясь под впечатлением тех же темных слухов, она видела ночью недобрый сон и, приняв его за голос богов, упрашивала мужа остаться дома. Цезарь, сам чувствовавший некоторое недомогание, решил уже послушаться ее, когда в комнату вошел Д. Брут и принялся убеждать его пойти в курию, где сенаторы с нетерпением ждали его прихода. Ничего не оставалось, как покориться, и диктатор, в сопровождении Брута, отправился в сенат. Говорят, что, встретив по дороге одного из прорицателей, советовавших ему остерегаться 15 марта, он сказал: “Видишь, Иды уже пришли, а ничего не случилось”. “Пришли, но не прошли”, – ответил тот. Но

Цезарь только усмехнулся и продолжал свой путь. Не доходя курии, какой-то неизвестный человек протиснулся через толпу и, всунув ему в руку записку с именами заговорщиков и подробным изложением плана их действий, сейчас же скрылся, попросив лишь немедленно прочитать ее; но Цезарь, привыкший получать таким образом различные прошения, небрежно вложил бумагу среди других, которые держал в руке, намереваясь прочитать ее на досуге. Он вошел в сенат и, поздоровавшись с членами его, занял свое обычное место у статуи Помпея. Немедленно подошел к нему Цимбер с просьбою простить брата, а за ним понемногу собрались остальные заговорщики, столпившись вокруг Цезаря как бы для поддержания товарища. Тем временем К. Требоний отвел М. Антония в дальний угол комнаты и, под предлогом важного разговора, старался отвлечь его внимание от того, что делается вокруг. Цезарь упорно отвечал отказом на просьбу заговорщиков, и Цимбер как бы умоляюще схватил его за тогу, оттягивая ее вниз вместе с заложенными под нею руками. Цезарь пробовал освободиться, но в это время подкравшийся сзади Каска нанес ему кинжалом удар в затылок. Раненый обернулся. “Каска, негодяй, что ты делаешь?” – вскричал он, выхватив железный стиль, которым обыкновенно писал. Но в его глазах уже сверкали кинжалы других заговорщиков, и дальнейшее сопротивление было бесполезно. Заметив среди нападающих лицо своего любимца Брута, он успел лишь с укором воскликнуть: “И ты, Брут?” – и, закрыв голову тогою, сделал несколько шагов и упал бездыханный у подножия Помпеевой статуи, пронзенный 23 ударами.

Цезарь погиб, но делу, которого он был творцом, суждено было жить еще многие века. Через 15 лет, после кровавых междоусобиц, Август окончательно установил монархию на тех же началах, что и его дядя, и с тех пор “цезаризм” стал живым принципом в государственной жизни человечества, не исчерпавшим своей силы и поныне. Через Карла Великого он перешел в Западную Европу, где носителями его были германские императоры средних веков и оба Наполеона, а через Восточную Римскую империю, или Византию, он проник к нам в Россию, где Иоанн III приставил к собственному орлу и орел римский, а его внук Иоанн IV Грозный принял титул царя, то есть Цезаря.

Два слова в заключение о литературной деятельности Цезаря. Величайший человек не только своего времени, но, пожалуй, и во всей древности, он обладал умом замечательным по своей силе и всесторонности; он был полководец, дипломат, государственный деятель, юрист, оратор, поэт, историк, филолог, математик и архитектор. В каждой из этих областей он отличался так, что, по

единогласному приговору современников и потомков, мог, если бы хотел, победить любого специалиста и быть величайшим мастером. О его военных и государственных способностях красноречиво говорит вся его карьера; о его даре слова свидетельствует Цицерон, провозгласивший его первым после себя оратором того времени, а о его литературных дарованиях нам говорят дошедшие до нас мемуары его о галльской и междоусобной войнах. Писательством, собственно говоря, Цезарь занимался всю свою жизнь: он оставил после себя собрание речей, писем и поэм, исследования по религии и латинской филологии, трактат по астрономии и политический памфлет против Катона; но только мемуарам его суждено было уцелеть и дойти до наших времен. Написанные от третьего лица, они распадаются на историю галльской войны, трактующую о первых семи годах Цезарева проконсульства в семи же книгах, и историю междоусобной войны вплоть до александрийской в трех книгах. К первой добавлена и восьмая книга из-под пера, как полагают, Гирция, а ко второй – Азинием Поллионом, вероятно, истории александрийской, африканской и испанской кампаний. По своему образцовому языку, легкому слогу и ясности изложения эти мемуары представляют зенит латинской прозы, непревзойденной ни до, ни после. Единственное, что может сравниться с ними, это произведения Цицерона; но и те далеко уступают им по силе выражений, безыскусственности оборотов и, главное, кристально чистой и прозрачной форме, могущей стать в ряд с лучшими образчиками греческих мастеров. Недаром же Цезарь, подобно Ксенофонту, был прозван аттическою пчелою за свою легкость и изящество, и лег в основу классического преподавания и изучения во всех европейских странах.

Источники

1. *C. Caesaris.* Commentarii. – Лейпциг, 1864 – 1876. Ed. Teubner. Rec. B. Dinter.

2. *C.Suetonius Tranquillus.* Vitae XII Caesarum. Caesar. – Лейпциг. Ed. Teubner. Rec. C. Roth.

3. *Plutarchus.* Vitae. Caesar. Pompejus. – Paris, 1846. Ed. Didot. Rec. Th. Doehner.

4. *Appianus Alexandrinus.* De Bello civili. – Paris, 1884. Ed. Didot.

5. *Th. Mommsen.* Romische Geschichte. – Berlin, 1875, изд. 6, Т. 3, кн. 5.

6. *Th. Mommsen.* Die Rechtsfrage zwischen Caesar und dem Senat. – Breslau, 1857.

7. *Napoleon III.* Histoire de Jules Cesar, в 2-х т. – Paris, 1865 – 1866.

8. *G.Boissier.* Ciceron et ses amis. – Paris, 1865.

9. *J. A. Froude.* Caesar. – London, 1886.

10. *W.W. Fowler.* Julius Caesar. – London, 1892.

11. *Th. A. Dodge.* Great Captains. Caesar. – Boston, 1892.

notes

Примечания

1

римский гражданин *(лат.)*

2

В Древнем Риме списки лиц, объявленных вне закона

соответствующее по достоинству, пара *(фр.)*

4

Ты этого хотел, Жорж Данден! *(фр.)*

5

Что дозволено Юпитеру, то не дозволено быку *(лат.)*

благим пожеланием *(лат.)*